

A person is shown from the back, wearing a black leather motorcycle jacket with a prominent spiked collar. The person has a shaved head. The background is dark and textured. The text is overlaid on the jacket.

Антон Павлов
Координатор

АНТОН ПАВЛОВ
Координатор

«Автор»

2010

Павлов А.

Координатор / А. Павлов — «Автор», 2010

ISBN 978-5-532-04873-7

Как же по детски искренне Андрей Трофимов верит в христианскую идею о непротивлении злу насилем! Но вдруг демон, явившийся из преисподней принимается мучить и терроризировать близких Андрея. Сможет ли герой сохранить верность принципу "если кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и левую"? Или не сможет?

ISBN 978-5-532-04873-7

© Павлов А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Часть 1 Брат	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	32
Глава 10	35
Глава 11	38
Глава 12	41
Глава 13	44
Глава 14	46
Глава 15	51
Глава 16	54
Глава 17	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Антон Павлов

Координатор

...Какова бы ни была форма – петуха или человеческого существа – значения она не имеет, вы принадлежите бесформенному, вы принадлежите полному, целому, единому. Поэтому, какую бы форму вы ни принимали за себя самого, вы сходите с ума. Вы бесформенны. Вы не принадлежите ни к одному телу, вы не принадлежите ни к какой касте, религии, вере; вы не принадлежите ни к какому имени. И пока вы не станете бесформенны, безымянны, вы никогда не будете психически здоровы. Психическое здоровье означает движение к тому, что естественно, движение к тому, что основное в вас, движение к тому, что скрыто позади вас, позади всякой формы, в вас самих. Необходимо множество усилий, потому что отсечь форму, отбросить, изъять ее – очень трудно. Вы так привязались к ней и отождествили себя с ней!..

Ошо

Часть 1 Брат

Глава 1

Иногда, кажется, что жизнь превратилась в сладкий сироп. Волшебное ощущение при- торности окружающего. Ты доволен, но когда закрываешь глаза, то не можешь отделаться от ощущения, что превратился в муху на липучке. Ещё хуже мысль, о правильности всего про- исходящего. Подлость в том, что ты начинаешь мелко так размышлять о себе и близких: вот, мол, я, праведно живу, потому и дом у меня большой и дети здоровы, и жена красавица. А вот тот, который под забором жмётся, тот скотина тупая и неправедная...

...Андрей закончил менять шаровую опору «Дэу». Он снял автомобиль с домкрата, мето- дично собрал инструменты и удовлетворённо посмотрел на дело своих рук. Новенькие опоры поблёскивали смазкой. Если ту же самую работу делать в сервисе, их семейный бюджет умень- шился бы на тысячу, а то и на полторы. Теперь можно было с чистой совестью съездить вечер- ком всей семьёй в торгово-развлекательный комплекс «Кибер сити».

– С Божьей помощью, – прошептал Андрей, вытер руки ветошью и отправился в дом.

В коридоре он почувствовал запах жареной рыбы. Андрей всё утро был занят с машиной, завтракал только кофе с бутербродом. В животе заурчало в предвкушении сытного обеда. Он вошёл на кухню, где Анастасия колдовала возле новенькой электроплиты из стеклокерамики.

– Скоро кушать будем. Катю тоже зови, – оглянулась жена.

Андрей улыбнулся, чмокнул Анастасию в шею. Жена засмеялась и сказала, чтобы он шёл мыться. В ванной Андрей помыл руки и шею с жидким мылом. Причесал волосы, глядя на отражение в зеркале. На него смотрело лицо уверенного в себе сорокалетнего мужчины. В глазах светилась искорка и задор, уголки рта оптимистично смотрели вверх.

Андрей вышел из ванной и крикнул дочку, чтобы та шла кушать. Дверь детской откры- лась и показалась их семейное солнышко, милое существо, ради которого в самые трудные периоды жизни, они сохранили брак и не дали затухнуть домашнему очагу.

Пятнадцатилетняя Катя больше походила на мать. Те же русые волосы и голливудский разрез глаз. А вот губы – отца, полные, словно бы чуть надутые изнутри. И ростом Катя тоже

пошла в отца. Уже сейчас почти метр семьдесят, ровно столько, чтобы не называли дылдой, а пророчили будущее богатой фотомодели.

– Пап, я не буду кушать, – сказала Катя. – Толстая невеста – бесперспективный товар.

– Картошка с жареным минтаем – довольно таки выгодное вложение. Идём, Катя.

Отец и дочь прошли на кухню, где Анастасия как раз закончила раскладывать ложки с вилками. Они сели. Андрей во главе стола, Анастасия по правую от него руку, Катя – напротив матери.

– Отче наш, – произнёс Андрей. Жена и дочка замерли с вилками в руках, – Суший на небесах, да святится имя твое...

Андрей договорил молитву, наколол на вилку жареный кругляш картофелины и замер, когда Анастасия произнесла ошеломлённо

– Мы же договаривались, Андрей...

– Договаривались, – Андрей сказал это, будто не слыша жену. – Как бы ты, чувствовала себя, если бы мы с Катей не поблагодарили бы тебя после вкусного обеда? Так же чувствует себя Бог.

Андрей видел недавно сюжет про бывшего бизнесмена, уехавшего в Сибирь. Бизнесмен сбросил с себя и семьи оковы цивилизации. Жил раздольно, привольно и перед едой всей семьёй они произносили «Отче наш». Стоя и склонив в почтении головы. Конечно, Андрей не признался бы Насте и Кате, что сегодняшний эксперимент был вызван телевизионным сюжетом.

Короткая и немного смущённая молитва Андрея, носилась в воздухе кухни в стиле модерн, ударяясь в разноцветные шкафчики, отталкиваясь от набора элитной кухонной утвари, летела и втыкалась в пустующее отверстие в деревянную подставку для английских ножей.

– Пап, мы с мамой не крещённые и в Бога не верим, – сказала Катя. – Бога нет – это научно доказанный факт.

– Так, значит, да? – Андрей посмотрел в глаза дочери. – Наука порой очень беспомощная вещь. Это я тебе как технарь, Катя, говорю.

– Как технарь, – повторила Катя, опустив голову и ковыряя в минтае длинными ногтями с рисунком паутинки.

– Да, дочка. Я технарь, – кивнул Андрей. – Что ты на ногтях нарисовала?

– Паутинку, – пожалала плечиками дочка. Футболка с надписью «Born to kill» приподнялась на крохотной груди и опустилась. – Я всегда думала, что у нас дядя Аркаша технарь.

– Дядя Аркаша у нас технарь из технарей, – многозначительно усмехнулась Анастасия.

– Настя, Аркаша мой младший брат и подтекст в твоих словах мне не по душе, – произнёс Андрей. Он разъединил тушку минтая и всмотрелся в прожилки запёкшейся, почерневшей от жарки крови. – Что касается веры в Бога, Катя. То я скажу тебе, что Бог – это любовь.

– Любовь бывает разная, – сказала Катя. – Я не пойму, причём здесь Иисус?

– Правильно, – Анастасия улыбнулась чему-то. – А я вот как думаю... Нужна свобода. Ведь все религии говорят о любви.

– Не все... – начал Андрей, но его перебила Катя.

– Король лев тоже о любви, – усмехнулась девочка. Её длинные пальчики слиплись от рыбы, и она разлепила их со звонким звуком: чмак! Звук ей понравился. Она принялась делать пальцами так, как делают артисты театра теней, желая показать гуся. Чмак-чмак-чмак!

– Катя! – Андрей выпрямил спину. – Когда человек говорит о любви, неважно, что он имеет в виду. Главное, чтобы он не лицемерил...

– Папочка, я не называла тебя лицемером, – призналась Катя.

– Дай отцу досказать свою мысль... – сказал Андрей.

– Папа, не говори о себе в третьем лице. Я читала книжку по психологии...

– Не перебивай отца...

– Андрей, у нас не домострой, в конце концов, – Анастасия улыбнулась с таким видом, будто за её спиной стоят люди и она оправдывается перед ними.

В кухне нависло молчание. Его разорвал сериальный смех из телевизора, который Катя незаметно включила.

– Котёнок, выключи телевизор, – попросила Анастасия, вставая к мойке. Она налила в губку «Фэйри» и в который раз задумалась, что же такого добавляют в него, что он так хорошо отмывает жирную посуду.

– Молекулы свободного кислорода, – прочитала она на этикетке.

– Не понял? – нахмурился Андрей, не понимая, к чему жена сказала про свободный кислород. – Я всего лишь хотел, что бы вы верили Бога. Он так много дал нам! Посмотрите, в каком доме мы живём. Мы живём в достатке. Господь любит нас.

– Папочка, ты как проповедник прямо таки стал. Спасибо, я наелась. – Катя встала из-за стола. – Хотя... А можно попробовать? Можно?

– Что можно? – нахмурилась Анастасия. Она держала в руке губку с пеной. Со стороны могло показаться, что в руке у неё маленькое облачко. Она стиснула губку, и облачко вытекло в блестящую нержавейкой мойку.

– Ну, Бога поблагодарить... – Катя задорно смотрела на родителей.

– Ты хочешь поблагодарить Бога? – спросил Андрей и кивнул, разрешая.

На подбородке Андрея рыжела борода. Бородку он отпустил сразу же после того, как уверовал во Христа.

– Да, – Катя встала и сложила молитвенно ладони возле груди. – Спасибо Иисусу за минтай без головы. Спасибо ему за сахар песок, за перистальтику, начавшуюся в наших желудках...

– Катя! – Анастасия плюхнула облачко пены в кастрюлю с водой. Взметнулись радостные брызги.

– Да, Катя, не ожидал я от тебя такого, – Андрей облизнул губы. – Впрочем, Бог не обратит внимания на твои слова. Он просто любит тебя, как неразумного котёнка.

– Что было бы, папа, если бы ты вошёл в комнату, а я там стою на коленях перед Гэндальфом в окружении хоббитов? – настаивала дочка. – Чтобы ты подумал тогда, папочка?

Андрей хотел пожать плечами и сказать: «ничего такого не подумал бы», но осёкся на полуслове. Он понял, что слова эти дочка произнесла неспроста.

Андрей вспомнил, как полмесяца назад молился в домашнем кабинете. Он стоял на коленях спиной к двери и вдруг ощутил сквозняк по полу. По идее нужно было встать и обернуться. Сделать чуть смущенное лицо. Самую капельку, потому что ведь молитва – это общение с Богом, а не что-то предосудительное, чего стоит стесняться.

Но Андрей не обернулся и не поднялся с колен. Он сделал вид, что полностью сосредоточен на своём внутреннем мире. Потом он решил, что свидетельницей его самозабвенной молитвы была Анастасия. Оказалось, что Катя...

На иконе, перед которой он молился тогда был изображён Христос с учениками.

Гэндальф и хоббиты! Прости, Господи, мою дочь.

– Пап, ты, что не помнишь «Властелина колец»? – спросила дочка.

– Я даже спрашивать не буду, что это за фильм, – ответил Андрей, ковыряя вилкой картофель в тарелке. Раньше он всегда щедро поливал его майонезом и кетчупом. Это было раньше, когда место Христа в душе и теле занимали шашлыки и уха. Андрей вспомнил самого себя с шампурами в руках: душевно, мужики! В том-то и дело что ни хрена не душевно! Душа так же далеко от шашлыка и самой вкусной ухи, как солнце от земли.

– Это же сказка, папочка, – засмеялась Анастасия.

Иногда Андрея бесило, а иногда наоборот умиляло, когда жена называла его «папочкой». Сначала он думал, что Анастасия специально старит его. Называла его «папочкой» ещё до рождения Катки и как бы призывала быть серьезней, взрослее. Мол, будь готов стать папочкой.

Не расслабляйся, не забывай, что ты мужчина. – Это же сказка, папочка. Евгений Евгеньевич давал нам диск с «Властелином колец». Вспомнил?

– Да вспомнил я, – отмахнулся Андрей. – Сказка и в Африке сказка.

– Сказка ложь – да в ней намёк, – поучительно сказала Катя, погладив отца по седеющим волосам.

– Нет, Катя, я настаиваю на уважении к Богу, – Андрей тяжело вздохнул и отстранился от мягкой руки дочери.

– К твоему Богу, папочка, – сказала Анастасия.

– Он не только мой, – Андрей покачал головой и поднял вверх указательный палец. Мать с дочкой многозначительно переглянулись. Андрей со значением произнёс. – Православный Бог – это Бог русских людей.

Анастасия подала шарлотку с травяным чаем и мёдом и сказала тихо

– Андрей, пусть каждый из нас сам решает, во что ему верить. Хорошо?

Катя вылезла из-за стола и умчалась в коридор, где её мобильник заливался мрачной музыкой «Рамштайн».

– Пусть каждый решает, во что ему верить? И каждый делает что хочет? – спросил Андрей жену. – И в кого мы превратимся? В зверей диких?

– Не утрируй, – сказала Анастасия. – Ещё немного и духов вызывать начнём. Как твоя мама.

– Шаманов в нашей семье хватает, – сказал Андрей, имея в виду свою мать, державшую в центре города заведение под названием «Салон госпожи Елизаветы».

В то время, когда все добропорядочные бабули считают последние копейки, стоя в очередях за лекарствами, – думал Андрей раздражённо, – Моя шестидесятилетняя мамаша может позволить себе поездку на море в бархатный сезон. За финансовую независимость Андрей уважал мать, но вся оккультная мишура, которой обвешивались мать с младшим братом, порядком надоела ему.

Особенно после крещения.

– Твоя мама такая независимая, – Анастасия с трудом подбирала нужные слова. – Подумать только – она десять лет как вышла на пенсию... А по ней и не скажешь.

– Последнее время она очень похудела, – пожал плечами Андрей.

– Она, что правда, верит во всё это?

– В то, что у неё по прайсу? Привороты, порча, магия, обереги? – усмехнулся Андрей.

– Вот по-настоящему, думаешь, верит? – Анастасия покачивала головой.

Андрей мысленно усмехнулся. Его жена была в чём-то уникальной женщиной. Ни во что не верила. Даже проявлений минимального суеверия было в ней не найти.

Он вспомнил свадьбу. Их праздничной процессии, идущей от вечного огня, преградила дорогу чёрная кошка. Потом она рванулась в сторону, прочертив невидимую черту карандашом предрассудка. Свадебная процессия остановилась в замешательстве. И тут звонкий голос Анастасии возвестил: как вы можете верить в эту чушь? Невеста в белом платье смело пересекла невидимую черту.

– Мать всегда верила во всё такое, – задумчиво сказал Андрей. – Любая вера помогает жить.

– Я вот не верю в Бога и нисколько не чувствую себя ущербной, – сказала Анастасия. – Мне кажется, люди придумали Бога, чтобы оправдывать свои слабости. Как твой младший брат Аркаша.

– Что ты к нему прицепилась? – спросил Андрей. – Он мой брат и мы должны принимать и любить его таким, какой он есть. Не надо переделывать людей. Начни с себя самой, Настя.

В душе Андрей почувствовал раздражение. Когда обсуждаешь вопросы веры с женой... Даже с самой лучшей женой на свете, какой он искренне считал Анастасию... Чувствуешь себя рыбой на разделочной доске под ножичком опытной хозяйки.

– Я себя считаю нормальной, – пожалала плечами Настя. – Верить в то, чего не видишь – нелепость. Если и есть пять процентов из ста возможности существования Бога, то и они недоказуемы. Всё-таки я рада, Андрей, что твоя вера облегчённая.

– Православие лайт, – кивнул Андрей, вспоминая, что давно уже не был в церкви на причастии, и что не мешало бы попоститься. Он горестно вздохнул, – Это ты точно подметила. А что касается родни, Настя. Её ж не выбирают. Как родину. Как Бога.

– Сколько Аркаше сейчас лет?

– Так, – Андрей закатил глаза. – Аркашка младше меня на пять лет. Значит, ему тридцать пять. Он твой ровесник, Настя.

– А выглядит на полтинник, – удивилась Анастасия.

– У него жизнь не простая была.

– У кого она лёгкая? У тебя? Может быть у меня? – Анастасия замерла возле мойки.

– У каждого свой путь, – сказал Андрей.

– На всё воля Божья, так что ли? А если так, почему у Аркаши всё набекрень?

– Потому что приключений человеку не хватает. В юношестве человек не нагулялся, – сказал Андрей. – Зрелища нужны людям.

– Я всегда тебе это и хотела сказать, – кивнула Анастасия. – Твоей матери шестьдесят, а ты посмотри, как она живёт. Вся в делах, в заботах.

Так и скажи, – думал Андрей, – Так и скажи, что свекровь поперёк горла тебе встала. Впрочем, не тебе одной. В последнее время старушка со своим «Салоном госпожи Елизаветы» съехала с катушек окончательно. Единственное, что смущало и останавливало Андрея от открытой вражды с матерью, это посторонние люди.

Да, становится не по себе, когда ты считаешь мать сумасшедшей, а куча людей вокруг неё так не думает. Госпожа Елизавета, успела сколотить вокруг себя почитателей своего «магического таланта».

– Мать очень работоспособная, – произнёс Андрей.

– Это и тебе передалось, – кивнула Анастасия. – Тебя ведь скоро начальником цеха логистики назначат?

– Не знаю, справлюсь ли я, – задумался Андрей. – Как бы ни загордиться мне...

– Загордиться? Ты о чём, Андрей? – изумилась Анастасия, – Ведь ты всю работу начальника цеха давно уже делаешь! Евгению Евгеньевичу на пенсию пора.

– Старик ещё много на что способен, – усмехнулся Андрей.

– Когда ты так начинаешь говорить, ты становишься похож на Аркашу...

– С каких это пор имя моего младшего брата в моём доме стало ругательством? – Андрей нахмурился.

– ...Мой двоюродный брат в детстве был похож на вашего Аркашу, – вспоминала Анастасия. – Мама так его и называла «брат – сюрприз». Тётя звонила матери с периодичностью в два дня, и каждый раз начинала со слов: а ваш брат снова сюрприз выкинул...

– Хватит, Настя. Я не даже хочу слушать это, – сказал Андрей.

– Как хочешь, Андрей. Как хочешь...

Глава 2

Пока чудесный момент поездки в торгово-развлекательный комплекс «Кибер Сити» не настал, Андрей и Анастасия улеглись на широкую тахту в зале перед большой жидкокристаллической панелью, купленной на день рождения Анастасии в кредит по схеме «три десятки». По кабельному каналу шла «Каменская». Андрей, хоть и любил отечественные детективы, «Каменскую» не переваривал. Его раздражала манера главной героини вести себя так, будто она сейчас рассыплется на части.

Дурость, – решил Андрей и встал с дивана.

– Не будешь «Каменскую» досматривать? – спросила Анастасия.

– Нет. Курить хочу.

Андрей вышел на улицу. Шёл дождь со снегом. По двору пробежала всклокоченная, похожая на чёрную клёцку кошка. Замерла на секунду, изучая Андрея зелёными злыми глазами, и прыгнула на забор.

В носу засвербело от ледяной сырости, и Андрей чихнул. Чёрная кошка выгнула спину и спрыгнула на участок старика соседа. Андрей закурил и критично осмотрел свои владения. Дом в три этажа, баня, гараж на две машины. Можно быть довольным собой и благодарить Бога.

– На Бога надейся и сам не плошай, – прошептал Андрей, и сплюнул в канавку водостока. Плевков деловито поплыл по бетонному желобу, зацепился за веточку, задрожал и медленно потерял форму, слившись с круговоротом воды в природе.

Друзья или близкие воскликнут: конечно, так оно и должно быть. Каждому воздастся по делам его. Праведнику – честь и почёт. А грешнику – что останется.

Андрей думал сейчас об Аркаше. Брат – грешник, лентяй, глуповат, особенно в последнее время стал. Каждый его поступок – можно фотографировать, добавлять короткую статью и вывешивать на столбах, с подписью: «Люди, не поступайте так!»

Как приятно порой сидеть на кухне и поучать младшего брата. Вот только после таких визитов Аркаши, Анастасия уже не раз говорила о странных его взглядах в свою сторону.

«Он как-то смотрит на меня... Я даже боюсь...»

А ты думаешь, как может смотреть младший брат, для которого ты так много сделал? Как может смотреть человек, который должен тебе две своих зарплаты? Думаешь, он должен любить тебя?

Да. Только так и никак иначе! Любить и уважать. И когда настанет твой черёд попросить о помощи, брат обязательно протянет тебе руку.

Андрею вспомнилось детство – братишка вечно весь в слезах и соплях, голос тоненький как у девочки: «Андрюш, ну, Андрюш, ну помоги. Ну, тебе же это ничего не стоит?». Под это хныканье прошла половина детства.

Маленьким Аркаша походил на ангела, даже когда врал. Сейчас ему тридцать пять и он больше смахивает на демона из страшных снов, и он по-прежнему врёт. Всклокоченные волосы, к середине жизни поседели от постоянных жизненных неурядиц.

Гордыня? Опять?!

Прости Господи, избавь же меня от лукавого, избавь, избавь...

Андрей вошёл в дом и остановился посередине коридора. От его движения лампа в изумительном плафоне из обмазанной клеем мешковины, замоталась из стороны в сторону. Андрей сел на пуфик.

Да что со мной такое, последнее время? Как никогда чувствуешь, что всё делал и делаешь правильно, но что же это в груди? Андрей просунул правую ладонь под рубашку. Крестик

скользнул в руку. От груди он нагрелся. Казалось ещё немного, и он вспыхнет светлячком в ладони.

– Надо тебе, Андрей, курить бросать, – Анастасия подошла к Андрею, подставила голову для поцелуя. – Да и не вяжется курение с твоей верой.

– Кто без греха? – согласился Андрей.

Он читал в какой-то агитке по православию, что грехи плотские гораздо легче, чем духовные. Лучше уж курить, чем сгорать от ненависти к ближнему.

– Я уже все свои деньги сложила в кошелёк! – выбежала из детской Катя. – Мы едем в «Кибер сити»! Аллилуйя!

Катя взвизгнула со смехом, потому что мать ущипнула её.

– Прости их, Господи, – подумал Андрей.

Глава 3

Трофимовы подъехали к ТРК «Кибер Сити», когда часы на приборной панели «Дэу» показывали без пятнадцати пять. Огромное здание «Кибер Сити» возвышалось над ними, как межпланетная станция. Неоновая вывеска афиши рекламировала мультфильм «Симпсоны в кино». Между припаркованными автомобилями примостились хромированные тележки для продуктов, которые собирал мужик с лицом уставшего от убийств маньяка. Он сталкивал тележки одну к другой с противным металлическим лязгом, явно получая от этого наслаждение. На остановке кучка галдящей молодёжи в облаке не рассеявшегося ещё сигаретного дыма, залезала в бесплатный автобус. Автобус ненормальным жёлтым пятном торчал на дороге, залитой осенней жижей.

Андрей робел иной раз перед «Кибер Сити». Откуда бралось это чувство, он и сам толком не понимал. Похожие чувства он испытывал в редкие свои походы в церковь. Когда вереница улыбающихся не внешними, но внутренними улыбками, людей следовала к входу в «Кибер Сити», Андрею порой хотелось сказать что-нибудь торжественное. «Приблизилось царство Божие», к примеру, или «Аллилуйя». Однажды он поделился своими мыслями с Анастасией, и та не поняла шутки. Даже обиделась и сказала, что у людей, может быть одна отдушина в жизни осталась – съездить в выходные поразвлечься.

Андрей держал жену и дочку за руки, когда они вошли под своды «Кибер Сити». В помещении полным полно было перегородок из прямоугольников прозрачных стёкол. Стекло словно бы удлиняло пространство в бесконечность. Фонтан при входе ронял воду с приглушённым неестественным звуком. Андрею пришла в голову безумная мысль: инопланетяне захватили землю и «Кибер Сити» тоже. А потом пришельцы с враждебных планет попытались сделать всё, чтобы земляне расслабились и потеряли бдительность. А они, инопланетяне, выскочили бы из-за прямоугольников прозрачных стёкол, упирающихся в бесконечность, и открыли бы стрельбу.

Андрей переглянулся с Анастасией, та сжала его ладонь и прошептала.

– Мне здесь очень нравится. Так современно. Настроение сразу поднимается.

– Да, неплохо, – Андрей смотрел на дочку. Катя цокала каблучками по блестящему, как потная лысина, кафелю и манерно поглядывала то в одну, то в другую сторону, помахивая сумочкой с кошельком, где хранились накопленные карманные деньги.

Трофимовы отстояли очередь в кассу и купили три билетика на «Симпсонов». Катя даже захлопала в ладоши от счастья. Этот сериал был давней её любовью.

– Они мне так напоминают наше семейство! – воскликнула она.

...Когда кино закончилось, Андрей с Анастасией вышли сонные. Глава семьи выковыривал из зубов ошмётки попкорна. Анастасия почти весь фильм пролежала, уткнувшись в плечо супруга. Она отдала левый глаз, и он теперь слезился. Анастасия тёрла и тёрла его.

Возле самого выхода из торгового комплекса они увидели толпу вокруг столика. Люди оживлённо галдели. На столике торчал барабан лотереи. Спины стоявших людей напомнили Андрею рой жадных пчёл, облепивших медовые соты.

– Ну что там ещё? – спросил Андрей. Он довольно резко взял Катю за руку и помахал ключами от машины. – Нужно ещё машину прогреть. Идём Катя. Настя, ну что вы встали, как...

... Как коровы на скоростной трассе, – мысленно закончил он.

Андрей чувствовал, что после посещения «Кибер Сити» становится как выжатый лимон. Словно бы сразу на входе к твоей спине прилеплялась пиявка. Чем дольше ты находился в комплексе, «чем больше развлекался», тем больше крови она из тебя высасывала.

– Ой, как интересно. И кино тебе, и лотерея. Миленько, – сказала Анастасия.

– Папа, купи билетик, – попросила дочка, – Может быть, машину выиграем?
– У нас уже есть машина. И её нужно идти прогреть, – сказал Андрей.
– Ну, пап... – просила Катя. – Ну, две пусть машины будет. Одна мне, другая – вам с мамой.

– Андрей, по-моему, это безобидно. И стоит копейки, – пожала плечами Анастасия. – Почему бы не купить? По-моему, это такая мелочь.

– Не бывает мелочей, – сказал ей Андрей. – Азарт подобен пожару в душе...

– Андрей, если хочешь, я могу на свои деньги купить, – пожала плечами Анастасия. Её губы сжались в тонкую полоску.

– Папочка, ты так говоришь, будто мы в Лас-Вегас приехали. – Катя мечтательно прищурилась – Когда я отделись от вас, я обязательно поеду в Лас-Вегас.

– Твои слова, Катя, обижают меня, – прошептал Андрей. – Покупай эту лотерею, но если почувствуешь потом пожар в душе, то пеняй на себя!

Катя купила билетик, развернула его и, о чудо, выиграла чайник с позолоченной поверхностью нагревательного элемента. Андрей недоверчиво покачал головой, когда сияющей Кате вручили коробку, перевязанную цветными ленточками.

– Слава Богу, папочка, видишь? Честные люди ещё остались, – воскликнула Катя.

– Слава Богу, – согласился Андрей.

На обратном пути Андрей под тихое урчание автомобильной печки, молился про себя, поглядывая на миниатюрный иконостас на приборной панели «Дэу».

Молитвы Андрея редко когда были книжными. Молитвослов он купил сразу после крещения, и заглядывал в него обыкновенно по утрам. Память никак не желала запоминать молитвы «Богородице» и «Ангелу хранителю». Приходилось прочитывать их по книжке. После официальной части всегда следовали личные просьбы Андрея к Богу. Вот и сейчас он, посматривая в зеркало заднего вида на Настю и Катю, выстраивал в голове мысли – молитвы – вопросы.

Господи, ну, неужели этот чайник так важен для них? Ведь дома у них есть уже два чайника. Извечный русский поиск халявы? А слова Кати, что после того как она отделится от них...

Как часто это стало проскальзывать в её разговорах. «Я отделись», «когда я наконец-то перееду от вас»... Множество самых различных словосочетаний, смысл у которых один: когда я наконец-то избавлюсь от вас.

Господи, дай любви мне к дочери, даже если она будет против меня... Дай Бог такого не случится. Хоть Анастасия последнее время твердит о переходном возрасте. Моя Катька не такая... Впрочем, Господи, какая она моя? Какая она наша с Настей? Она твоя, Господи, как и мы все!

Из динамиков доносились тихие звуки «ретро фм». Анастасия с Катей сидели на заднем сидении, взявшись за руки, и при свете пронесившихся мимо уличных фонарей читали информацию на коробке с чайником. Катя не удержалась и распаковала коробку, зашуршав обёрточной бумагой.

– Не терпится? – спросил Андрей.

– Настоящий чайник! – восхитилась Катя.

– Чайник и чайник. Что в нём может быть хорошего? – пробурчал Андрей.

– А что с кнопкой? – голос Кати встревожился.

Анастасия взяла из рук дочери чайник и постучала по нему костяшками пальцев, приложила к уху, засунула руку внутрь и поскребла ногтем якобы позолоченную поверхность.

– Это муляж, – сказала она, и вытащила сложенную вдвое бумагу, – Записка. Буквы большие, а всё равно ничего не вижу. Кать прочитай, пожалуйста.

Катя взяла листок бумаги и прочитала

– Уважаемые конкурсанты, все призы являются муляжами в натуральную их величину. Для вас мы постарались сделать их максимально приближенными к реальности. Ждём вас в наших фирменных салонах.

– Вот так-то вот вам, – прошептал Андрей и подумал: «Спасибо, Господи, за сотрудничество!»

Они подъехали к дому.

– Папа ведь предупреждал нас, – усмехнулась Анастасия.

– Надоело всё, – вырвалось у Кати. – Мы ездим в «Кибер Сити», как на праздник. Можно подумать, это событие какое-то! Уик-энд! Это они именно нам только вручили макет!

– Не понял? – нахмурился Андрей. Он остановил хрустнувшую шипами по ледяной корке машину. В посёлке кто-то топил баню, и запах угля щекотал ноздри. Андрей обернулся к дочери. – Почему ты думаешь, что только нам?

– Потому что мы как из деревни! – сказала Катя. – И правда скоро молиться перед едой будем! Каменный век! Шаманизм какой-то! Когда я выйду замуж...

– Перестань, Катя! – повысил голос Андрей

Дочка замолчала.

– Ну и что, Катя? – спросила Анастасия. – Кто-то мечтает о таких возможностях, какие есть у нас.

Катя убежала в дом. Андрей с Анастасией какое-то время сидели, слушая, как вздыхает остывающая на холоде машина.

– Кажется, мы избаловали дочку, – пробормотал Андрей, вылезая.

– Это нормально, – Анастасия зашла под козырёк веранды, вытянула руку и поймала пушистую снежинку.

– Нет, не нормально. Она нисколько не ценит того, что мы даём ей! Что Бог даёт ей через нас, – проворчал Андрей.

Он закрыл гаражные ворота. Палец замер над кнопкой сигнализации автомобиля. Иногда ему хотелось, чтобы машину угнали. Не потому, что в сберегательном банке лежали деньги, отложенные на новый автомобиль, а чтобы жену с дочкой немного встряхнуло что ли...

– Кате пятнадцать. Всем известно, что этот возраст переходный, – сказала Анастасия. – И зачем тебе, чтобы она ценила всё? Хочешь, чтобы она с утра пораньше нам поклоны земные била?

– Не было у меня никакого переходного возраста. Его психологи придумали, – Андрей нажал кнопку на брелке сигнализации.

– Андрей, я подумала, что нужно менять машину. Подержанный «Лексус» был бы в самый раз. «Дэу» нам не подходит для твоего статуса... – сказала Анастасия

– Статус, – проворчал Андрей и взял у жены деревянную лопату. – Наш статус рабы Божьи.

– Андрей, я иногда боюсь твоих слов, – покачала головой Настя и спросила вдруг. – А я толстая?

– Жир не на теле, а в душе, – Андрей разбежался и, как снегоуборочная машина, сгрёб снег.

– Значит толстая, – Анастасия вошла в дом.

Андрей забросил лопату в снег и вошёл вслед за женой. Катя вертела в руках муляж чайника. Она задумчиво произнесла

– Пап, а Бог смог бы сделать из этого муляжа настоящий чайник?

– Ты думаешь, что Бог существует для таких глупостей? – спросил Андрей.

– Андрей, спокойно, – Анастасия обняла мужа и погладила его бородку клинышком. – Катя только хочет сказать этим, что порой женщинам не хватает чудес. Скучно нам порой, понимаешь?

– Скучно вам, – пробормотал Андрей и пошёл в ванную мыть руки с дороги. Пока он шёл, всё время бубнил. – Скучно им, понимаешь. Ишь ты, скучающие дамочки...
Когда он открывал дверь ванной комнаты, до него долетел крик Кати
– Если бы Бог сделал этот чайник настоящим, я бы поверила в него, пап...

Глава 4

Воскресенье выдалось пасмурным. По радио так и сказали: двадцать третье ноября лучше провести в кругу близких и друзей, потому что на улице минус пять, дождь и ветер с порывами до десяти метров в секунду. Возможны обильные снегопады. Автомобилистам лучше воздержаться от поездок.

Андрей под навесом гаража пилил ДСП электрическим лобзиком. Визг полотна заглушал хриплые звуки радио «Маяк». Андрей мастерил полочки для инструментов в гараж.

Анастасия уехала заниматься фитнесом в недавно открывшийся клуб, который, заманивая клиентов, первый месяц проводил занятия за половину стоимости. Катя гуляла с подружками недалеко от дома. До Андрея долетал смех и запах табачного дыма.

Андрей отложил электрический лобзик в сторону и услышал гудок за воротами. Он отряхнулся от мелкой стружки, похожей на рыжую пыль, и вышел помочь Анастасии загнать машину в гараж. Жена наездила меньше года водительского стажа, и широкий гараж по-прежнему казался ей узким. Иногда она с пятой попытки загоняла машину, но чаще всего, как сегодня, вылезала со смущённым видом, улыбалась Андрею, и тот сам загонял «Дэу».

Они вошли в дом. Андрей залюбовался фигуркой жены. Занятия фитнесом давали свои результаты. Ни за что не дашь ей тридцать пять, – подумал он.

– Банькой пахнет, – улыбнулась Анастасия

– Иди, парься. Температура девяносто – самый раз, – Андрей обнял жену.

– С тобой хочу. Пойдём, – Настя прижалась к нему. – От тебя так вкусно деревяшками пахнет.

– Я к Кате хотел выйти. Посмотреть...

– Не курит она. Успокойся, – Анастасия улыбнулась. – Мы недавно с ней откровенничали. Не беспокойся. Всё в норме.

– Если бы был сын, то я бы с ним откровенничал... – усмехнулся Андрей.

– У тебя же младший брат есть. Зачем тебе сын? – спросила Настя.

– Перестань, – Андрей отстранился от жены. – Это некрасиво.

– А что ты так за Аркашу переживаешь? – спросила Анастасия, когда они прошли в спальню. Она взяла из шкафа купе с зеркальными дверцами халат и полотенца. – Он взрослый мужчина, а ты носишься с ним, как с девочкой.

– Девочкой? Так теперь забота о младшем брате называется? – спросил Андрей. У зеркальных дверок шкафа купе был небольшой дефект. Когда их раскрывали, то отражение растягивалось. Лицо Анастасии сузилось посередине.

– Это ненормально, что он к тебе так привязан, – настаивала Анастасия.

– Помнишь, как ты рыдала, когда твоего брата привезли в цинке из Афгана?

– Но Аркаша-то ведь жив? У вас какой-то симбиоз получился. Ты дерево. А он гриб на тебе. Иногда Аркаша так смотрит на меня...

– Как смотрит? – спросил Андрей

Вот они звоночки. Вот те слова, которые превращают душу в пылающий костёр ненависти и алчбы. Ох, женщины! Неужели, неужели бы я не заметил за столько лет косые взгляды младшего брата на свою жену? – думал Андрей и припомнил даже по случаю торжественную фразу, – О, женщины. Имя вам вероломство.

Будто услышав его мысли, Анастасия задумчиво произнесла.

– Может быть, мне показалось...

...После вечерних шестичасовых новостей, Андрей согнал с насиженного места возле телефона Катю и задумался с тёплой от долгих разговоров дочки телефонной трубкой в руке.

Что же это за чувство в груди? Что за желание, никого из близких не отпускать от себя даже на шаг? словно бы ты не в городе и вокруг не цивилизация, а джунгли, где шаг в сторону от тропы, может означать смерть.

Андрей набрал номер матери.

– Привет, мам, – поздоровался Андрей, – Как твоё здоровье?

– Твоими молитвами, Андрюшенька, – хмуро ответила Елизавета Сергеевна.

– Значит, они действуют, – усмехнулся Андрей. – Аркаша обещал зайти. Я так понимаю, он не придёт?

– Если в его ауре не произойдут изменения, он вообще перестанет ходить!

– Мама! Прости Господи, но ты хоть понимаешь, что не существует никаких аур и био-полей?

– Настолько же понимаю это, насколько то, что Бог, сотворивший такую Землю, не может быть вменяемым Богом, – огрызнулась Елизавета Сергеевна. – Этот Бог просто сумасшедший!

– Мам, это невежественно! – воскликнул Андрей. – Тебе нужно...

Андрей не договорил, что нужно сделать матери. Она бросила трубку.

Андрей закрылся в предбаннике и долго курил, размышляя. «Почитать отца и мать» нужно такими, какие они есть. Не пытаться их переделывать.

Кто ты человек? Господь что ли всемогущий, чтобы переделывать людей. Кто ты, чтобы наказывать за недостатки? Ты святой? Нет. Ты никто. Твой путь – смирение.

Откуда в сердце это предчувствие чего-то ужасного?

Только Бог может знать будущее. Человеку это не дано. Все его планы – глупые домыслы. Вот уж воистину прав анекдот: хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах.

Андрей снял полосатый махровый халат и открыл парилку. Сухой горячий воздух проник в лёгкие. Андрей сел на обжжённый зад шершавый полок, и напялил на голову войлочный колпак с надписью «Хозяин бани».

– А ну добавь парку! – крикнул Андрей в замкнутом пространстве парилки и поразился своему голосу.

Казалось, он принадлежит не ему.

Глава 5

Они лежали на кровати в спальне.

Андрей поцеловал Анастасию. Она повернулась на другой бок и смотрела в окно. Часы на стене показывали половину двенадцатого. Андрей подошёл к кровати и поправил под простыней с изображением красных маков специальный жёсткий матрас. Анастасия купила его в «магазине на диване». Долгое время матрас валялся в кладовке никому не нужный. Когда эскулапы осчастливили Андрея диагнозом «шейный остеохондроз третьей стадии», матрас волшебным образом пригодился, потому что как нельзя лучше подходил под определение «твёрдой ровной поверхности».

Анастасия смотрела, не мигая, в окно. Там злой осенний ветер издевался над кустом вишни. Ветки царапали стекло с неприятным звуком, который используют в фильмах ужасов.

– Как руки мертвецов, – произнесла она.

– Чушь какая, – усмехнулся Андрей, вытащил из-под кровати ипликатор Кузнецова и положил его под шею. За год лечения этой штукой ощущения притупились, и теперь ему приходилось выгибаться на «колючках», усиливая давление, чтобы достигнуть нужного эффекта.

В тишине засыпающего дома прозвучал тревожный звонок в дверь.

Андрей ждал этого звонка, предчувствовал его. Он знал, кто стоит сейчас за калиткой, приплясывая, потому что под вечер температура за бортом их уютного тёплого дома приблизилась к отметке в минус пять градусов. Зимой – это будет почти что оттепель, сейчас же – во время затяжной осени, когда вокруг ещё толком нет снега, минус пять – серьёзное испытание для подвыпившего младшего братца.

В дверь позвонили ещё раз.

– Это Аркаша, – произнесла Анастасия. – Братец Лис пожаловал!

– Перестань, Настя, – сказал Андрей, одеваясь. Перепутал тапки левый с правым и, чуть прихрамывая, направился к дверям. – Мой брат может приходить в наш дом, когда захочет.

Андрей вышел из дому и проехался по заледеневшей дорожке до ворот на подошве тапок. Промозглый ночной ветер залезал под старенький армейский бушлат. Андрей запахнул его покрепче, зябко передёрнувшись, и быстро оглядел двор. Ель и черноплодная рябина возле забора, покрылись льдом, как глазурию. Андрей остановился возле калитки, слыша дыхание с противоположной стороны.

– Кто здесь?

– А я один такой, – это был голос Аркаши. Судя по нагловатой интонации, брат был изрядно пьян. На трезвую голову младший брат отличался смирным, если не сказать ангельским характером. На людях, по крайней мере.

Андрей распахнул дверь и понял, что надежды лечь пораньше и набраться сил для трудового понедельника, не оправдались.

Кровь из ноздрей брата прочертила дорожку к губам. Правый глаз Аркаши заплывал и походил на сливу, на которую наступили ботинком. Коричневый зрачок глаза бордовыми прожилками смахивал на косточку этой сливы. В седых волосах Аркаши застряли жухлые листья.

– Господи, кто тебя так? – Андрей покачал головой и выглянул за дверь.

Пустынная и сонная улица. Возле их участка фонарь как обычно не горел. Сколько раз Андрей жаловался в муниципалитет, и тот присылал электриков, а те в свою очередь трезвоили к нему в дом и матерились, что кто-то разбивает лампочку в фонаре и их не в чем винить.

Андрей вздрогнул, когда по дороге метнулась в сторону дома тень. Это оказалась собака. Псина виляла хвостом и приседала, прижимая уши, зовя Андрея поиграть.

Андрей закрыл дверь и провёл брата в дом. В коридоре он посадил брата на пуфик. Пожалуй, если Настя увидит Аркашу в таком виде, это может стать последней каплей, – подумал Андрей и немедленно обвинил самого себя.

Ты стыдишься родного брата! Ты несчастный лицемер, Андрей Трофимов! А ещё ты стыдишься собственную мать. Ты должен почитать мать и заботиться о младшем брате.

Под грязной дублёнкой Аркаши топорщилась порванная в паре мест белая когда-то праздничная рубашка... Смятая чёрная бабочка вылезла из-за воротника мёртвым насекомым. У лакированных туфель носки были сбиты так, будто Аркаша добрый час молотил ими стену.

– Я в норме, – прошептал Аркаша, замечая взгляд Андрея. – Форс мажор приключился.

– Ну да. Я вижу, – сказал Андрей и сдёрнул с шеи брата бабочку. – Жить надоело?

– Я свой срок на этой земле ещё не отмотал, – Аркаша достал платок и шумно высморкался в него.

Андрей наклонился к лицу брата.

– Скорую вызвать?

– Нет, – ответил Аркаша. – Всё в норме. Оклемаюсь чуток и домой пойду.

Андрей взял брата за плечо.

– Снимай дублёнку. Нужно привести тебя в божеский вид.

– Продолжаешь славить Бога, которого нет? – усмехнулся Аркаша.

– Бог, наверное, с тобой не проконсультировался, насчёт своего присутствия, – сказал Андрей. – Снимай дублёнку и пошли в ванную.

– Десять минут посижу и ухожу... – Аркаша дёрнул плечом, рука Андрея свалилась.

Андрей облизнул пересохшие губы.

Как тяжело порой было сдерживаться. Сколько приходилось тратить душевных сил, чтобы убедить себя – это испытание, очередное испытание тебя, как христианина. Да! Вот он – брат. Вот он, лично твой, несчастный самаритянин, избитый неизвестными, страдающий, умирающий. Так легко откреститься от него, сказать – это твои проблемы, не вмешивай меня, ты взрослый человек...

Но ведь под этой оболочкой напускной наглости, скрывается он, родной брат! Андрей прикрыл глаза ладонью, воссоздавая в памяти образ маленького Аркаши. В обрезанных с помощами штанах, бритый наголо, с разодранными коленками. Голос просящий, гнусавый по-детски: Андрюш, ну, Андрюш... Ну помоги-и...

Андрей присел на корточки возле брата и тихо произнёс

– Иногда я не понимаю твоих приходов ко мне. Ты хочешь что-то доказать?

– Что ты можешь знать обо мне? – запальчиво спросил Аркаша.

– Знаю, что ты мой брат, – Андрей махнул рукой с зажатой чёрной бабочкой. – Пошли в ванную. У тебя кровь сейчас на ковёр капнет.

– Вся твоя сущность Андрей в твоём вещизме. Православная церковь в прихожанах это не поощряет, а сама грешит... – усмехнулся Аркаша.

– Церковь тебе сама об этом сказала? – парировал Андрей.

– Конечно, конечно. Веди меня, о, луч света в тёмном Трофимовском царстве! О, самый правильный из когда-либо рождавшихся Трофимовых! – Аркадий паясничал.

В коридоре появилась Анастасия. Аркаша вдруг весь сжался, взгляд забегал по сторонам, а плечи поднялись к ушам.

Анастасия покачала головой

– И снова здравствуй, Аркадий.

– Привет, Настя, – прошептал Аркаша. Вместо «привет» его губы прошепелявили «пливлет».

Андрей невесело усмехнулся. Аркаша всегда отличался застенчивостью в отношениях с противоположным полом. Но отчего-то всегда младший брат старался поздороваться с Настей

как-то фамильярно. Ещё немного и он бы подошёл к ней, хлопнул по плечу и сказал: Привет, Настюха. А если бы Андрей потребовал объяснений, то брат, вероятно, нисколько не смущаясь, сказал бы, что у них на заводе, это обычное обращение к женщинам.

– Андрей, ты милицию вызвал? – спросила Анастасия.

Аркаша избегал смотреть в глаза Анастасии, но её отражение на полировке коридорного шкафа изучал пристально.

– Насть, мы всё уладим, – сказал Андрей. – Ложись спать.

– Милиция и скорая такие дела улаживает, – Анастасия ушла в спальню.

Глава 6

Человек – животное социальное. Он не может развиваться в вакууме. Зеркала – это глупая замена человеческого общения. Человек мечтает отражаться в умах и сердцах других людей. Только тогда он находит смысл своей деятельности. Помогая людям, мы мечтаем поймать своё отражение в глазах бедолаг, попавших в беду. Ведь глаза – это зеркало души человека. Чем большему количеству людей человек хочет помочь, тем больше его эго.

Спаситель человечества – это Нарцисс, погибающий возле отражения в воде.

Братья Трофимовы прошли на кухню.

Андрей открыл створку огромного, как рефрижератор холодильника. Полки были забиты запасами, сбоку на стенке стояли коробки с соками.

– Ничего не хочу. И так на банкете обожрался, – сказал Аркаша, презрительно усмехнулся и кивнул на холодильник. – Он что у тебя с выходом в интернет?

Андрей поморщился, и не ответил. Он встал к вытяжке над газовой плитой и закурил. Вытяжка гудела, как рой встревоженных пчёл.

Часы на микроволновке показывали двенадцать ночи. Завтра понедельничное совещание у генерального директора. Нужно будет произнести доклад...

Андрей погладил столешницу кухонного гарнитура из массива сосны. Вся мебель в его доме была добротная и не дешёвая.

Фонарь за окном покачивался на ветру, издавая звук морского маяка. Андрей повесил этот фонарь в огороде, после того как местная шпана утащила у него бак из нержавеющей стали. Фонарь высвечивал две яблони. На них ещё остались яблоки, при дневном свете похожие на судорожно сжатые кулаки мумий.

В тусклом свете фонаря бельё, развешанное на верёвке, можно было принять за группу мертвецов, шагающих к дому Андрея. Налетал порыв ветра и рубашки хлопали рукавами так, будто пытались схватить кого-то.

Покурив, братья сели за стол на табуретки с мягкими подушечками, расшитыми мулине. Андрей налил кофе в большую кружку и поставил перед Аркашей. Тот чинно взял её и шумно отхлебнул. Андрей принялся барабанить пальцами по столу, переводя взгляд с банки кофе на горку пирожков накрытых полотенчиком.

Аркаша отставил от себя ополовиненную кружку кофе, потянулся. Как опытный оратор он выдерживал паузу, создавая интригу.

– Рассказывай. Не томи... – сказал Андрей.

– У нас сегодня праздник был. Двадцать лет цеху. Я нашему начальнику всё высказал, что о нём думаю. Встал, когда поздравительные речи произносили и в глаза ему всё. Потому что не боюсь!

– Да? – Андрей поднял брови вверх. – Неужели?

– Знаю, что ты думаешь, – недобро усмехнулся Аркаша. – Младший брат дурачок снова приключений на свой зад отыскал. А я людям хотел помочь, брат. Людям!

– Звучит по-революционному, – кивнул Андрей.

– Начальник наш новый – демон, пришедший из ада за душами людей! – выпалил Аркаша.

– Думаю, это не твоё оригинальное мнение, – невозмутимо отозвался Андрей. – Тебя что бил твой начальник?

– Не он, а работяги, – Слово «работяги» Аркаша произнёс, как ругательство.

Андрей покачал головой: кому-кому, а не младшему брату отзываться о рабочем классе с такой пренебрежительностью. С самого начала повелось так, что учёба у Аркаши не залади-

лась. Науки давались ему тяжело. Правда учителя не всегда ставили мальчику двойки, а жалели порой и вытаскивали в конце четвертой, что называется «за красивые глаза».

Когда Аркаша с трудом осилил программу профтехучилища, стало ясно, что он и понятие «карьера», если не произойдёт чудо, вещи абсолютно не совместимые. Чуда не произошло. Поэтому и резануло слух Андрея презрительно брошенное «работяги».

– Странный расклад получается, – сказал Андрей. – Ты выговорил начальнику всё, что о нём думаешь, а работяги тебя избили? Не поддержали, значит, они твоей инициативы?

– Лизоблюды они! Влюбились в нового начальничка! А тот меня со свету сжить хочет.

Ситуация уже не казалась Андрею сложной, требующей какого-то немедленного разрешения. Ранения брата на поверку оказались не такими страшными и вовсе не смертельными. Что же касалось деталей происшествия, то их Андрей мог даже теперь мысленно представить.

Аркаша выпил лишнего на банкете и ни с того ни с сего принялся поносить уважаемого в заводском коллективе руководителя. Рабочий люд не выдержал хамства, отозвал Аркашу в сторонку и попортил его внешний вид...

– Как зовут твоего начальника? – спросил Андрей, только для того, чтобы поддержать разговор.

– Ким, – ответил Аркаша. – Ким Борисович Коорд. Высокий такой зараза, здоровый, лысина на всю голову. Глаза как у рыбы дохлой. Если глаза зеркало души человека, то хреновая у него душа, скажу я тебе, Андрюша.

– Не надо, Аркаш, о душе человека говорить. Хорошо? Не можешь ничего ты о душе человеческой знать. Только Богу то ведомо, – сказал Андрей.

– Ой, православный ты наш, – Аркаша усмехнулся, подмигнув подбитым глазом, и сморщился от боли. – Ким сразу меня невлюбил. Только я вздохну спокойно, как он из под земли вырастает: а что это у вас Аркадий на втором участке насрано что ли? Выговор вам, говорит. Дальше – больше: я с июля премии не видал. Поэтому и занимаю деньги у тебя так часто...

– Вот значит почему. А я уж чего только не передумал, – усмехнулся Андрей. – Странные у твоего начальника имя с фамилией. Ким Коорд? Первый раз такое слышу.

– Не веришь мне? – спросил брат, выплёскивая в рот остатки кофе из чашки.

Андрей взял брата за плечо

– Понимаешь, если вдруг в коллективе стали бить кого-то одного...

– Ты всегда был против меня... – прошептал Аркаша.

– Я? – Андрей искренне изумился. Поэтому голос подпрыгнул на октаву выше. – Это я-то против тебя? Забыл, как прибежал ко мне?

– А ты помнишь?.. Каждый день, наверное, вспоминаешь? – осклабился разбитыми губами Аркаша. – Тешись своё православное самолюбие. Местечко в раю, думаешь, тебе за это заказано?

– Думай, что говоришь, – прошептал Андрей.

– Хорошо, – согласился Аркаша. – Понимаешь, иногда нужно человеку указать на недостаток.

– Недостаток? – нахмурился Андрей.

– Лицемерие, – пожал плечами Аркаша так, будто говорил всем известные вещи. – Ты же всегда думал, что помогаешь мне от чистого сердца, а оказывается – нет.

Удары по самолюбию оттого и переносятся так тяжело, что это самое уязвимое место человека. Ахиллесова пята. Убери её, спрячь за щитом из доброты и станешь неуязвимым, – думал Андрей. – Лицемерие! Прав ты, братишка! И не важно, что сам-то ты погряз в саможалении и зависти.

Не важно, потому что для начала придётся из своего глаза бревно вытащить, а уж потом на чужие соринки внимание обращать.

– Прости, Аркаш, меня, – произнёс Андрей. – Бес иногда путает.

– Вот видишь, – покачал головой Аркаша, спрятав довольную ухмылку за поднятой перед лицом кружкой.

– Рассказывай дальше. Ничего не упускай, – сказал Андрей.

– Ким наказывает меня! Ни за что ни про что! Смотри сам, брат... Я иду по цеху. Ким мне говорит: а почему, Аркадий Иванович, у вас обувь старого образца? Талон за нарушение. А талон – это минус пятьсот рублей от зарплаты. И не слушает, гад, меня, что на складе отродясь обуви нового образца не было! Я из туалета иду, он мне: две минуты назад как перерыв закончился, где вы шляетесь, Аркадий Иванович? Нарушение штатного расписания. Талон вам. А это ещё минус пять сотен!

– Начальнику, как коню дарёному, порой в зубы не надо смотреть, – пробормотал Андрей.

– Как Богу, ты хотел сказать, да? Есть у нас Отче, и ладно. А какой он: добрый, умный ли, никого не волнует! Лишь бы все считали, что он есть!

– Аркаша! – проворчал Андрей. – Не богохульничай.

Андрей взял пирожок и надкусил его. Ливер рассыпался во рту и горчил. Андрей налил кофе, ухнув в него четыре ложки сахара.

– Что обиделся? – спросил Аркаша.

– На обиженных воду возят, – сказал Андрей, смиряя в душе гнев и гордыню троекратным «Отче наш». – Говори дальше, брат.

– Последнее время Ким при всех унижал меня. Один раз в кабинете заставил отжиматься. Другой – велел через яму прыгнуть. Сказал: или прыгай, или не видать тебе аванса. А я как раз у тебя денег занял, отдавать нужно было. Я прыгнул. Там внизу теплотрасса заводская. Мужики перед обедом выкопали. Я почти перепрыгнул. На краешке ноги соскользнули и я вниз – бултых! Всё ещё спина от ожога болит...

Воспоминания многолетней давности вдруг нахлынули на Андрея, не спрашивая разрешения. Свадьба. Анастасия в белом платье – счастливая и сексуальная... Аркаша не пришёл на его свадьбу.

Болеет, сказала мать.

Зачем я вспоминаю это? – думал Андрей.

Ответ пришёл путанный. Задумавшись над ним, Андрей сгрёб волосы в ладонь и закусил губу. Аркаша что-то прячет, – тяжело думалось ему. – Во всех визитах брата к ним домой есть какая-то закономерность.

Цель.

Аркаша преследует какую-то цель, приходя к ним!

Помилуй мя Господи! Избавь от лукавого, что заставляет подозревать родного брата! Эх, Настя, Настя, как же подло вбивать клин ревности между братьями...

–... Я очень боюсь Кима... Помоги мне Андрей, справиться с ним... – закончил говорить Аркаша.

– Наши пороки материализуют наших демонов, – вздохнул Андрей, смахивая со стола крошки коричневого ливера, выпавшие из порванного пуза пирожка.

– Андрей, веришь, нет, но я не знаю, что мне делать. Я пытался с Кимом подружиться, пытался поговорить, выяснить, чёрт возьми, почему и за что он меня так ненавидит? Бесплезно. Это проклятие, понимаешь? Мать тоже так считает. Поговори с Кимом, пожалуйста?

– Никакой мистики в этом нет, – сказал Андрей. – Есть мерзкие люди, Аркаша. Их лучше избегать или прощать мысленно.

– И сколько же раз их, по-твоему, прощать нужно? – усмехнулся Аркаша.

– До семижды семьдесят раз, – улынулся Андрей.

– То есть ты поговоришь с Кимом? – спросил Аркаша.

– Может быть, ты сам сначала попробуешь?

– Мне кажется, Ким тебя послушает. Ты ведь у себя на «Заводе стекла» начальник. Просто скажи Киму, чтобы он не доставал меня больше. Иначе я за себя не ручаюсь. Я убью его точно. Хотя нет. Ким сильный как кабан. Лучше я убью себя, Андрей! Сброшусь с балкона! И дело с концом!

– Не ты, брат, себе эту жизнь давал и не тебе её отнимать, – сказал Андрей, поглаживая бородку. – Хорошо. Я поговорю с твоим начальником. Идём, я провожу тебя...

Глава 7

Только они поднялись с табуреток, поправляя мягкие подушечки на них, как на пороге кухни появилась Анастасия. Её волосы, пока она пыталась заснуть спутались на затылке. Глаза смотрели колко и с затаённой обидой. В руке она сжимала плюшевую черепаху. Мягкие игрушки были маленькой слабостью Анастасии. На каждый день рождения Андрей дарил ей по одной. Скоро, – шутил иногда он, – ты соберёшь всех плюшевых животных по паре, и мне придётся купить тебе плюшевый ковчег.

Черепаха Тортилла появлялась в руках жены только в моменты сильных переживаний.

– Насть, я же попросил тебя? – Андрей потёр ладонями лицо. – Почему ты не спишь?

Если планируешь что-то, – подумалось Андрею, – то всегда отдавай пятьдесят процентов – непредвиденным обстоятельствам. Даже если запланировал такой пустяк, как пораньше лечь спать. А незапланированных обстоятельств у него было всегда два: мать и младший брат.

– Мы с Катей не можем заснуть, когда на кухне такой ор, – Анастасия взмахнула черепахой. – Скоро час ночи.

– Перестань, Настя. Это не по-человечески, – Андрей нахмурился. – И не по-христиански.

– Ах, вот в чём дело? – улыбнулась Анастасия.

Она села на табурет, зябко поведя плечами под мягкой домашней кофточкой. Черепаха лежала на столе и подозрительно разглядывала зелёными глазами – пуговками Аркашу. Анастасия покачала головой.

– Вот значит, почему мы с Катей сейчас страдаем от вашего «бу-бу-бу» на кухне? Не по-человечески, не по-христиански, да? Как же это так, мы не поможем ближнему своему? Своему любимому младшему братцу. Знаешь, Андрюша, есть ещё одна религия – религия предела! С меня хватит!

– Настя! – Андрей прошёлся по кухне.

– Я не хочу ни с кем ругаться, я пытаюсь, чтобы кой у кого проснулась совесть. – Анастасия схватила черепаху. Голова плюшевой пресноводной твари грозно мотнулась снизу вверх, будто кусая всех и вся, – Аркадий, ну, сколько можно?

Аркаша смотрел в окно, которое ночь с той стороны превратила в зеркало. В окне чётко отражалась спина сидевшей Анастасии. Аркаша не сводил с отражения глаз и часто сглатывал слюну.

– Человека избили. Он пришёл к нам за помощью... – пробормотал Андрей, встав напротив окна. Аркаша немедленно перевёл взгляд на холодильник. И здесь тоже на белом глянце виднелось отражение Анастасии. Кадык Аркаши снова опустился и поднялся. Лицо его выражало огромную жажду. Оттого и горло его часто сглатывало слюну, словно он был страждущим в пустыне, попавшим под власть миража...

– Я, пожалуй, пойду. Спасибо за всё, родственнички, – пробормотал Аркаша, обиженно дёргая плечами.

– Подожди, – нахмурился Андрей. – Не гони горячку.

– Пусть идёт. Помощь ему оказали, – пожала плечами Анастасия. – В сотый, наверное, раз оказали!

– Хоть тысячу раз, Настя! – Андрей повысил голос. – Мой брат может приходить в мой дом за помощью хоть десять тысяч раз!

– Достоин новой нагорной проповеди, – всплеснула руками Анастасия.

– Настя! – Андрей вскочил. Стул отлетел в кухонный шкаф. Звякнули боевыми топорами ложки и вилки.

– Да ну вас обоих, – воскликнула Анастасия и посмотрела прямо в глаза Аркаше. – В прошлом месяце Андрей вытаскивал тебя из вытрезвителя. Ещё раньше тебя хотели выселить из квартиры Елизаветы Сергеевны. Андрей урегулировал всё с документами... Все твои приходы сюда в пьяном виде... Сколько можно испытывать наше терпение? У нас же дочка!

– Настя... – качал головой Андрей. – Настя, Настя...

– Мама! – раздался крик Кати из комнаты. – Мама, пошли спать. Пусть они сидят! Оставь их!

Анастасия ушла. Братья минуты две сидели в полной тишине, а потом пошли в коридор. Аркаша одевался медленно. Он выставлял свои ранения напоказ, жалостливо шмыгал носом, медленно, кряхтя, надевал разбитые ботинки, рваную дублёнку.

Ну, Настя, блин! – Андрей обкусывал губы и ругался мысленно на жену. Он держал её плюшевую черепаху Тортилу и несколько раз уже скрутил ей шею.

Да убоится жена мужа своего! – вот как раз для таких ситуаций это написано. Ну, какое тебе дело? Это твой брат? Нет! Зачем тогда соваться?

– То есть ты поговоришь с Кимом? – спросил Аркаша уже на улице, закуривая.

Андрей тоже закурил. Сигаретный дым стелился по земле. По какой-то причине он не желал подниматься в воздух. Он опутывал их с Аркашей ноги, словно бы они находились сейчас на эстраде.

– Да, – сказал Андрей. – Я поговорю с этим Кимом. Думаю, что твои претензии к нему обоснованы.

– Конечно. Я для этого столько тебе и рассказывал, чтобы ты понял, – кивнул Аркаша. – Я же совсем не хотел обидеть Настю...

– Настю? – повторил Андрей. Как он ни был зол на непокорность жены, всё ж его поразили странные нотки в голосе брата.

Если уж сегодня настал день откровений, – подумал Андрей, то нужно объясниться до конца. Что значат все эти взгляды, о которых говорит Анастасия? Да, такие вопросы лучше решать сразу. Как гнойный прыщ, если его не залить йодом, разбухнет потом мерзкой белой горошиной.

Только Андрей хотел произнести вопрос «почему ты не можешь поладить с моей женой?», как Аркаша взмахнул руками, принялся шарить по карманам и сквозь зубы ругаться как человек, потерявший что-то важное.

Поэтому Андрей вместо одного вопроса произнёс совсем другой

– Что-то потерял?

– Паспорт. В прихожей у тебя обронил. Я мигом... Я сейчас...

Андрей хотел принести брату паспорт сам, но Аркаша уже бросился к дверям и исчез за ними.

Андрей закурил ещё одну сигарету и задумчиво смотрел, как дым упрямо не желает подниматься в воздух. Андрей поднял глаза и взглянул на трубы окрестных домов. Такая же история. Дым, словно бы прищёпнутый невидимым большим пальцем окутывал дома, стелился по земле, так что весь посёлок превратился в одну большую сковороду с чем-то пригоревшим и чадящим.

– Фух! – выскочил Аркаша из дома Андрея. Он пожал на прощание Андрею руку, как обычно смотря куда угодно, но только не в глаза.

– Нашёл паспорт? – спросил Андрей.

– Ага. Извини, что помешал сегодня вам лечь спать пораньше... Такое не каждый день случается.

– Ничего, – кивнул Андрей, закрывая дверь. – Храни тебя, Господь, Аркаша.

– Иди, спи, луч света в тёмном Трофимовском царстве, – Аркаша захрустел туфлями по обледенелой дороге.

Андрей пришёл в спальню и нисколько не удивился, найдя Анастасию не спящей. Она лежала поперёк кровати, обняв мягкую игрушку волка из мультика «Ну погоди». Андрей бросил на кровать Тортиллу.

– Ты простишь меня? – прошептала Анастасия.

– Да никогда в жизни, – Андрей присел на краешек кровати. Улыбнулся и обнял жену. – Прощаю, конечно. Но ты была полной стервой.

– Не называй меня так! – Анастасия отстранилась от мужа.

– Прощения просишь, или орать будем?

– Да, – вздохнула Анастасия, снова прижимаясь к мужу. – Я была полной дурой. Пусть так. Но у меня предчувствие, понимаешь, Андрей? Я здесь пытаюсь уснуть, вы – там. Думаю, да наплевать, пусть себе болтают. А в груди всё сжимается. Предчувствие. Как будто, ну вот не должен ты с ним говорить... Как печать на Аркаше какая-то.

– Это ты ко мне не по адресу. Я в такое не верю. Вот мать – та спец по предчувствиям, роковым печатям и порчам, – сказал Андрей.

Он смотрел на сейф, вмонтированный в стену. В сейфе лежал газовый револьвер. – Спи, Настя. Не бери в голову. Я не держу на тебя зла. Почти сразу тебя простил. Вижу, что ты переживаешь.

– Иногда твоё православие очень выгодно для меня, – улыбнулась Анастасия. – Ты стал добрее с той поры как надел крестик на шею.

– Спокойной ночи, – сказал Андрей, подумав про себя, что меньше всего хотел бы обсуждать своё православие с кем бы то ни было.

Андрей приказал роднику мыслей в своей голове иссякнуть. Потому что завтра, будет утреннее совещание у генерального. А если он будет сидеть там с не выспавшейся физиономией, то не ровен час и к нему начнут относиться так же, как к Аркаше на его работе.

Засыпая, Андрей услышал сквозь дрёму голос Насти

– Катя спросила: а что с дядей Аркашей?

– И что ты ответила?

– Сказала, что дядя Аркаша упал с балкона, – усмехнулась Анастасия. – Андрей, а ты в Бога по-настоящему веришь?

– Ну, в общем да... – прошептал Андрей и провалился в сон.

Даже во сне он понимал, как было глупо Насте говорить про падение Аркаши с балкона. Ведь мать с Аркашей живут на шестом этаже. Падение с такой высоты – смерть.

На этой мысли Андрей заснул.

Глава 8

Понедельник и вторник Андрей напряжённо работал, чтобы освободить в среду половину дня. Работа спорилась. «Завод стекла» лидировал на рынке аналогичной продукции, и клиенты сами выстраивались в очередь. Андрей фактически руководил всем процессом доставки и расчётов с клиентами. Его непосредственный начальник Евгений Евгеньевич Кольцов только что не молился на грамотного заместителя. В отделе всё чаще поговаривали о грядущем назначении Андрея на должность начальника цеха логистики.

Неудивительно, что когда в среду утром Андрей спросил у Кольцова разрешения уехать до обеда по личным делам, услышал вполне ожидаемый ответ: да хоть на два дня уезжай, только возвращайся.

Андрей решил встретиться с начальником Аркаши Кимом. Необходимо было самому узнать, что это за человек и так ли велика угроза для брата. Поможем, чем можем, – думал Андрей, ведя автомобиль по извилистой дороге с завода. Ведь и Господь Бог тоже помогает всем без исключения.

Солнце светит и для добрых людей и для злых.

На «Металлургический завод» можно было пройти довольно легко, сказав в отделе кадров, что мечтаешь работать здесь. Андрей взял разовый пропуск для знакомства с будущим местом работы и прошёл через бдительную охрану «Металлургического завода».

Если у девушки из отдела кадров лицо было скучающее до невозможности, то охранники, наоборот, при виде Андрея оживились, подскочили со специальными приборами. Они напомнили Андрею щенят, которые жили в их ванной, когда ошенилась собака. Стоило открыть дверь, и чёрная лавина бросалась тебе под ноги, пища и тявкая.

Нормальная заводская реальность, – думал Андрей, шагая по грязному заводскому снегу. Конечно, это не их ультра современный «Завод стекла», но ведь можно и здесь работать спокойно? Не выдумывая злых начальников. Не получая по мозгам от товарищей по работе. Почему же Аркаша вырос таким не приспособленным? Как получилось у матери так воспитать его?

Или эти качества заложил в Аркашу Бог?

Заложил специально, чтобы проверять его, Андрея, великодушие и терпение. Брат – моё главное испытание в жизни, – думал Андрей, разглядывая заводской пейзаж.

Множество труб, переплетённых так, как это делают с надувными шарами – сосисками. Кое-где из-под плохо стянутых фланцев и сальников вентилей вырывался пар. В туманных облаках возникали хмурые фигуры рабочих с чёрными руками и лицами, похожими на морды чертей.

Андрей вошёл в здание с табличкой возле входа «Цех углеводородистых сплавов». Внутри пахло бойлерной и мокрым картоном. Лестница, перила, стены – всё здесь было кособокое и неправильной геометрической формы. Словно бы произошло землетрясение и здание только чудом не развалилось полностью, как карточный домик...

Андрей мельком рассматривал таблички на обитых красным и чёрным дерматином дверях. Он дошёл до четвёртого самого верхнего этажа. Здесь было только две двери. Одна без таблички, а другая украшенная золотом и вензелями. Там было написано изысканным курсивом

Ким Борисович Коорд
Начальник цеха
УВС

Андрей подумал, что табличка, которая тянет на произведение искусства местных заводских мастеров, лучший показатель любви к начальнику. Андрей толкнул дверь, та мягко открылась, будто откатившись, как мяч в сторону.

Он вошёл и замер на пороге, разглядывая фигуру крупного лысого человека в чёрном рабочем халате с красной подбивкой, надетом поверх чёрного костюма с искрой. Лысая голова человека блестела, как и мощная, похожая на пень свежесрубленной лиственницы, шея.

Человек возле окна развернулся на каблуках. В Андрее был метр семьдесят восемь росту, а человек казался на голову выше его. Андрей почувствовал себя скованно, как ребёнок в кабинете директора школы.

Ким стремительно приблизился и схватил руку Андрея холодной, как замёрзшая варежка, ладонью.

Андрей вырвал руку и произнёс

– Вот значит, как выглядит человек, заставляющий людей прыгать через траншеи тепло-трассы?! Вы Ким Борисович Коорд?

– Великолепно, – неизвестно чему усмехнулся Ким и несколько раз картинно хлопнул в ладоши. – Вы ведь не представились, милейший? Хотя, я догадываюсь... Вы брат Трофимова?

– Я Андрей Иванович Трофимов. Старший брат Аркадия, – кивнул Андрей. – И если вы, Ким Борисович, думаете, что положение начальника вам даёт право издеваться над подчинёнными, вы глубоко заблуждаетесь...

– Слушайте, – Ким восхищённо развёл руками. – Это же так великолепно. Просто немыслимость для нашего дикого времени. Брат заступает за брата. Я восхищён вами, Андрей Иванович.

Слушая голос Кима, Андрей испытывал неприятное чувство. Ему постоянно приходилось возвращать взгляд на лицо Кима, на его губы, чтобы убедиться в том, что они раскрываются.

Такое ощущение было, что Ким стоит здесь, пристально изучает Андрея, а звук рождается где-то в стороне от него и транслируется, как это бывает в телепередачах, работающих с запозданием.

Ким кивнул на отодвинутый от прямоугольного стола стул, призывая Андрея сесть. Стул во главе стола отличался по-королевски длинной изогнутой спинкой и позолоченным материалом обивки. Уж не мнит ли он себя царём? – усмехнулся Андрей про себя и, когда сел, обратил внимание на лист бумаги, прикреплённый кнопками к стене. Там было написано:

Не развиваешь себя? Ты труп!

– Видите, да? – усмехнулся Ким. Когда он сел, высокий стул пришёлся ему как раз впору. – Я пытаюсь быть для рабочих не только руководителем, но и отцом.

– Я слышан о ваших методах работы, – кивнул Андрей. – Если не прекратите издевательства, Аркаша подаст на вас в суд. Я буду свидетелем.

Андрей подумал, что лицо начальника Аркаши можно сравнить с посмертной маской или слепком. Это была словно бы изнанка нормального человеческого лица. Губы Кима были бледные, надбровные дуги чётко выделялись, даже выпирали из черепа. Уши были прижаты почти к лысине и чуть сужались кверху, как у волков или собак. Сама ушная раковина была вывернута наружу, так что слуховое отверстие неприятно чернело.

– Вы хоть знаете, как меня на заводе любят? – спросил Ким.

– Вас бояться... Не льстите себе и не путайте это с любовью, – отмахнулся Андрей. – Мой брат лет десять на «Металлургическом заводе» работает, а вы без году неделя...

– Я называю это «синдром старого работника», – сказал Ким. – Человек думает, что ему все должны. Он становится нахлебником. Он только берёт и берёт. Он ничего не хочет отдавать взамен. Пустое место ваш брат! Чем он десять лет тут занимается? Штаны казённые протирает?!

– Да как вы смеете?! – вскочил Андрей.

– Никудышный человек ваш брат. Признайте это, признайте Андрей Иванович! Ничтожество Аркадий полное, – Ким говорил быстро, словно гипнотизёр, вводящий в транс.

– Слушайте, вы! – Андрей обогнул стол и оказался возле Кима. Тот скрестил руки на груди и поднял правую бровь. – Аркадий будет жаловаться в профком, в комиссию по трудовым спорам. Вы что думаете? Кем вы тут себя возомнили?

– Я начальник цеха. И я сделаю из вашего брата нормального человека! – сказал Ким. – Хороший руководитель только об этом и думает. Кроме того, ваш брат сумасшедший!

– Что? – изумился Андрей. – Вы кто? Психиатр? Вы эксперт? Это очередное оскорбление. Я это запомню, Ким Борисович. На суде мне это пригодится. Ясно вам?

– У меня есть доказательства его сумасшествия, – ответил Ким. Он порылся в ящике стола, достал бумаги и бросил их на стол

– Читайте, Андрей Иванович. Вы узнаете брата с другой стороны. Люди предпочитают скрывать от родственников свою тёмную половину.

– Я не буду читать, – нахмурился Андрей.

Читать или не читать – вот в чём вопрос, – думал Андрей, глядя на пачку бумажек. Все они были исписаны корявым почерком Аркаши. Брат посылает записки Киму... Ну и что? Разве это повод для издевательств?

Андрей облизнул губы и взял бумажки в руку. Прочитал первую, вторую и быстро стал читать их одну за другой, пока они не закончились.

Он не видел, что Ким внимательно смотрит на него и улыбается, как хозяйка, приготовившая пересоленный суп, который гость всё ж таки стал есть. Пусть даже морщась от отвращения.

Андрей перебирал в руках записки:

«Ким, сволочь, если ты не прекратишь изводить меня своей проклятой магией. Я убью тебя. Ты просто сгусток мерзкой чёрной энергии, а не человек!»

«Когда ты пришёл на землю, в аду сверкнула молния. Умри, Ким!»

«Ещё один взгляд в мою сторону, и я за себя не ручаюсь!»

«Твоя аура – пятно дерьма!»

«Ты – дьявол, Ким. Я это знаю, и скоро все узнают это!»

«Сатана, о да, ты, Ким, Сатана! Я четвертую тебя, а потом каждую частичку вымочу в серной кислоте. Понял, небесное ничтожество?! Люцифер!»

«Будь ты проклят, Ким!!!!!!!!!!!!!»

Андрей вздохнул и посчитал восклицательные знаки. Их оказалось целых десять штук. Неплохая аргументация в споре.

«На празднике все узнают, что ты – демон!!! Можешь убить меня, но я расскажу людям всё!!!»

На этот раз Аркаша ограничился шестью восклицательными знаками в двух предложениях. Андрей вспомнил избитую физиономию брата, когда тот сидел у него на кухне. Значит, брат выполнил свои угрозы и действительно «всё» рассказал на празднике, за что и отхватил по первое число от коллег по работе.

А что ты ожидал? – спрашивал себя Андрей, – Что Аркаша будет решать свои проблемы нормально? Как обыкновенный человек? Нет. Им с матерью жить грустно на этой земле. Им недостаточно просто верить в Бога и каждый день ходить на работу, получать зарплату.

Нет! Мать открывает на старости лет «магический салон» и морочит голову бедным провинциалам. Аркаша превращает свою жизнь на работе в ад, придумав, что его начальник цеха адский демон с чёрной аурой...

– Я думаю, эти записки писал не мой брат, – медленно произнёс Андрей. – Это не похоже на Аркашу.

– Не похоже? – повторил Ким. – А, по-моему, ваш брат пропитан этой дурью насквозь.

– Я не знаю, что это за записки и откуда они у вас. Такой почерк, как у Аркаши, очень легко подделать...

– О да, – усмехнулся Ким. – Почерк вашего брата подделает даже обезглавленная курица.

– Ким Борисович, я не хотел бы пугать вас... – Андрей не закончил свою угрозу...

После робкого стука в дверь просунулась голова рабочего в белой каске с золотистыми буквами «ЦУС». Рабочий смотрел в развёрнутый на руках чертёж и двигался к Киму. Рабочий напоминал ребёнка с большим зеркалом в руках. В зеркале отражается потолок, и ребёнок осторожно ступает по полу, думая, что шагает по потолку.

– Ким Борисович, но это невозможно, – бормотал рабочий.

– Вы идиот, Рустам? Вот это, что, по-вашему? – Ким ткнул пальцем в чертёж, чуть не проткнув его... – Рустам, вы меня поражаете. Неужели и вы стали таким же, как все? Неужели, Рустам, нельзя быть просто нормальным человеком, а не идиотом?

Рабочий вышел, и Ким повернулся Андрею

– Только представьте, Андрей Иванович. Банкет в честь пятидесятилетия цеха... Я не думал, что Аркаша свои угрозы исполнит. Думаю, образумится парень. Не станет при всех этот вздор нести. Это же стыд, позор. И вот когда мне вручают грамоту за вклад... Я, без ложной скромности, скажу что за полгода на должности, основательно здесь всё реформировал... И вот наш генеральный директор вручает мне грамоту. Жмём руки, обнимаемся. Встаёт ваш брат и начинает нести вот такую ахинею...

– Это всего лишь записки, Ким Борисович. А то, что вы делали с Аркашей, ваши методы работы с подчинёнными – это сплошное издевательство! И честно говоря, мне плевать. Мне плевать, даже если эти записки написал брат!

– Хорошо, – легко согласился Ким. – Идёмте со мной, и я покажу вам ещё кое что. Доказательство правомерности своих действий. Идёмте, это недалеко. Не хотелось бы, чтобы оставался даже минимум недоверия ко мне...

– Я никуда не пойду... – Андрей взглянул на записки и покачал головой. – Хорошо, у меня есть ещё минут десять.

– О, это займёт совсем немного времени, – улыбнулся Ким и они вышли из кабинета.

Глава 9

Андрей чувствовал себя сейчас так, словно подхваченный течением кораблик. Жизнь, тёкшая равномерно, натолкнулась на препятствие, он не удержался в русле и вот уже совсем другие воды несли его и чужой незнакомый берег виднелся вдали.

Это было неприятное чувство.

Андрей с Кимом вошли в цех. Лязг механизмов оглушил Андрея.

Они шли по проходу между обрабатывающими станками и заготовками, сцепленными тросами. Наверху гроыхали краны. Лица крановщиц похожие на красные пуговицы, раскрывали рты и что-то орало рабочим внизу. Те махали руками в ответ. Один из работяг, осерчав от непонимания с крановщицей, запустил щебнем по кабине крана. Красная пуговица лица крановщицы исчезла. А потом появилась вновь и мелькнула рука, а потом рядом с метким рабочим оглушительно грохнула об пол каска. Крановщица засмеялась, как чайка, и спряталась.

Ким бросился к рабочему. Тот, завидев его огромную фигуру, сжался в комок и выставил вверх руки. Ким выкрутил ухо рабочего, подтолкнул его под зад ногой в сторону выхода из цеха.

Ким вернулся к Андрею, стоявшему в немом изумлении от увиденного. Он заорал и его вопль накрыл шум механизмов

– Пытаюсь сделать из них людей!

– Я думаю, что в ближайшее время вы окажетесь на скамье подсудимых, – сказал Андрей.

– А я думаю, – Ким усмехнулся, – Что меня ждёт очередное повышение.

Они пошли дальше и оказались возле чёрной от копоти стены. Ким толкнул дверь, и они вошли внутрь.

Это была раздевалка. Оглушительно воняло грязными носками. Ким включил лампу под потолком и закрыл дверь. Гул механизмов стал тише. Вдоль стены и рядами стояли металлические ящики, в которых рабочие оставляют одежду.

На некоторых ящиках красовались надписи: «здесь раздевается пидорок», «лучшая проститутка УКС», «Он погиб за металл!». На стене чёрным углем кто-то написал: «Уроды! Носки свои вонючие стирайте». Снизу шла надпись помельче: «Сам ты урод».

Объявление на бумаге, прикреплённой к двери, за которой был слышен звук падающей воды из незакрытого крана, гласило отпечатанным на принтере курсивом: «В душевой не срать и не ссать!»

– Ящики толком не закрываются. И я сейчас залезу в ящик вашего брата, – Ким произнёс это так, будто хотел одолжить сигарету.

Он распахнул створки ящика. Андрей подскочил к Киму и попытался оттянуть назад. С тем же успехом он мог пытаться сдвинуть с места асфальтовый каток.

– Это же частная собственность. Что вы позволяете себе! Вы кем себя тут возомнили? – изумился Андрей. – Царь и бог здесь вы что ли?

– Только царь, – губы Кима тронула усмешка. – Вот взгляните на это.

– Но... – Андрей сделал несколько шагов назад. Голова закружилась, колени подкосились, Андрей осел на деревянную лавку.

На створках ящика Аркаши были прилеплены фотографии обнажённой Анастасии. Что это за фотографии, Андрей не понимал. Медленно, очень медленно до него доходило, что голова хоть и принадлежит жене, тело всё же не её. Это были тела красоток из мужских журналов.

Фотомонтаж!

Твой брат в «графическом редакторе» вырезал с общей семейной фотографии голову Насти и присоединил её к голым телам тёток из журналов с «клубничкой», – произнёс в голове Андрея невозмутимый голос.

Андрей поднялся со скамейки. Двигаясь словно бы в полусне, он подошёл к дверцам шкафчика брата и стал снимать мерзкие фотографии. Их было тринадцать штук. Тринадцать развратных поз. Тринадцать ударов под дых Андреева самолюбия.

– Вот эту тоже возьмёте? – спросил Ким и протянул Андрею их семейную фотографию.

На ней Андрей стоял с Аркашей, обнявшись. Анастасия держала на руках годовалую Катю. Елизавета Сергеевна сжимала в руках саженцы. За их спиной раскинулись четыре сотки первого приобретения Андрея – маленького кооперативного сада.

– Дайте сюда! – Андрей выхватил из лапы Кима фотографию. Подумал и бросил её обратно в ящик.

Андрей ненавидел сейчас Кима, не потому что тот издевался над Аркашей. Сейчас он бы сам с удовольствием заставил братишку прыгать через теплотрассу. Сейчас Андрей заставил бы Аркашу отжаться сотню раз...

Ким был гонцом с плохой новостью. Со смертельно плохой новостью. И Киму хотелось отрубить за дурные вести огромную лысую голову...

– Это ваша жена? Я правильно понял? – поинтересовался Ким. – Я даже не думал, что вы придёте сюда, Андрей Иванович. Так бы и осталась эта тайна здесь. Видите, какое удачное стечение обстоятельств.

– Не ваше дело. Это всё не ваше дело... – Андрей брезгливо сжимал в руках мерзкие фотографии. – Вы, Ким Борисович... Вы...

– Продолжаете настаивать, что я сволочь? Если бы мой брат так обошёлся со мной... – Ким покачал головой.

– Вы... – Андрей не мог говорить. Он помнил все слова, что хотел произнести в защиту брата. Он помнил их все, но не мог вымолвить ни слова...

Как же так, Андрей? – спрашивал внутренний голос. Ведь вот оно испытание твоей любви. Да, младший брат, оказался не так безгрешен и несчастен, как ты рисовал себе в воображении. Да, Аркаша посылает записочки с сумасшедшими посланиями начальнику. Да, он повесил эти мерзкие фотографии...

Мерзкие?! – вопило самолюбие Андрея. – Это же в кошмаре такое не привидится! Господи, да как он мог? Его же лечить надо! Его в психушку надо положить...

Нет, Андрей, – настаивал внутренний голос. – Ты ненавидишь брата и в этом всё дело. Ты не можешь простить ему.

Гордыня – главный грех...

К чёртовой матери всё. Я набью ему морду, – решил Андрей. Он резко вспотел и чувствовал, что нательный крестик неприятно прилип к волосам на груди.

– Я, надеюсь, вы никому не расскажите об этом, – сказал Андрей, поднимая вверх руку со смятыми фотографиями.

– А давайте договоримся, Андрей Иванович, – предложил Ким. – Я забываю об этом. Поверьте, для меня это не составит никакого труда. А вы...

– Забываю о ваших методах работы с подчинёнными? – горько усмехнулся Андрей, вспоминая с какой решимостью отстоять брата, он шёл на «металлургический завод»

– Ладно вам, Андрей Иванович, – махнул рукой Ким. Андрею его рука показалась неестественно длинной. – Плевать я хотел на общественное мнение по поводу моих методов. Просто не говорите ничего про фотографии брату. Одно дело – методы, другое – рыться в вещевом ящике...

– Но...

– Я сделал это ради вас, Андрей Иванович. Вскройте этот гнойный прыщ, под названием Аркадий, но уже без моей помощи. Просто будьте начеку. Кто владеет информацией – тот владеет миром, не правда ли, Андрей Иванович?

Андрей не ответил. Он вышел из раздевалки и пошёл к выходу из цеха. Гул механизмов вокруг сливался в унисон с дребезжанием обиды в его душе.

Андрей скатал фотографии в комок и дрожащими руками засунул в карман.

Глава 10

Андрей отъехал от парковки перед «Металлургическим заводом» и через пару минут остановил машину, не в силах управлять ею. Внутри всё сжималось, голова пульсировала болью. Обида на брата выросла в душе, как огромный ядовитый гриб. Андрей съехал на обочину и заглушил мотор.

Прошло несколько минут. Андрей сидел неподвижно, уставившись на иконки на приборной панели машины. Салон «Дэу» медленно остывал, пластик потрескивал. С дерева, под которым Андрей остановился, с каждым порывом ветра на лобовое стекло прилетала порция мягкого снега. Снег превращался в воду и застывал корочкой льда возле дворников.

Андрей попытался размышлять здраво и без эмоций. Получалось плохо. Чёрт возьми, да прямо сейчас хотелось ехать к брату и трясти его за грудки, пока его глупая душонка не вылетит на тот свет.

Что настолько всё серьёзно? – казалось, спрашивала невозмутимая Богоматерь, Иисус и святой Николай с икон на приборной панели, – Что никак нельзя простить глупого младшего братишку?

Но как простить? – взрывалось всё в душе Андрея, – Как простить, если он пришёл за помощью? Ведь Аркаша всегда приходит за помощью. Ему всегда, с самого детства что-то нужно от него. И он всегда помогал ему. Всегда! Ни разу не отказал.

И что в ответ?!

Андрей закурил и вылез из машины. Он достал из кармана мерзкие фото и разглядел улыбающееся лицо Насти на смятой бумаге. Андрей отвёл взгляд.

Через перелесок шла хорошо утоптанная тропинка. Андрей пошёл по ней.

Мысли обладают весом. На душе у Андрея стало совсем тяжело. Небосвод провинциального города, казалось, вдавил ему голову в плечи.

Тропинка вывела Андрея к водоёму, похожему на озерцо. Заводской отстойник. Место, где мёртвая после технологического процесса вода пыталась, соединившись с подземными ручейками, стать хоть немного живой. И тогда её бы опять пустили омыwać внутренности бездушных машин.

В другой раз, Андрей не стал бы задерживаться здесь. Но теперь рыжие камыши торчавшие у берега... Красноватый лёд, видимый в обметённой ветром проталине... Болезненного вида птица, клевавшая что-то похожее на обугленный кусок жжёного полиэтилена. Теперь всё это странным образом гармонировало с его душевным состоянием.

Такая же мерзость!

Андрей опустил на корточки и положил смятые фотографии на снег. Поджёл их и смотрел, как красное пламя с ядовитым жёлтым дымком пожирает вещественное доказательство преступления Аркаши. Андрей втоптал в снег чёрный пепел.

Птичка на ветке ближнего к нему дерева посмотрела глазками бусинками, прокричала что-то и вспорхнула в воздух.

– Мой брат сумасшедший извращенец, – прошептал Андрей, глядя вслед летящей птице. – Так и передай всем.

Андрей вспомнил про слова Насти о странных взглядах Аркаши. Всё встало на свои места.

Нужно успокоиться, нужно переждать эту бурю в душе. Спрятаться на время в бомбоубежище своего сердца, пока самолюбие объявляет войну младшему брату. Пока самолюбие требует его немедленной смерти. Немедленной и мучительной!

Нужно отвлечься, чтобы не натворить дел...

Андрей встал с корточек. Захотелось отлить, и он оглянулся в сторону дороги. Никого. Да и кому взбрѣдет в голову гулять возле такого гиблого места?

Андрей не удивился бы, если и счётчик Гейгера тут зашкалил бы.

Андрей отошёл в сторону от тропы и расстегнул ширинку. Вдруг всплеск воды привлѣк внимание Андрея. Звук был такой, будто рыба плюхнулась в воду. Если в отстойнике завелась рыба, не иначе у неё две головы и три хвоста, а на такое стоило бы посмотреть.

Андрей вздрогнул и буквально в паре метров от себя увидел мужика в одежде такой старой, что он сошёл бы скорее за бомжа, чем за рыбака.

Судя по снастям, раскиданным на берегу, это был самый настоящий рыбак. Бомж – рыбак!

Андрей был сейчас рад всему, что отвлекало от мыслей об Аркаше.

– Ничего, ничего! Не обращайтесь на меня внимания, – сказал бомж – рыбак. – Писайте на здоровье. Кто сюда приходит с дороги, тот непременно пишет. Я уже привык и не удивляюсь.

– Здравьете, – кивнул Андрей. Подумал, что стыдиться, в общем-то, нечего, спокойно доделал мокрое дело и застегнул ширинку. Прошагал по тропинке до водоёма. – Это не опасно? Ловить рыбу в таком месте?

– Опасно, но что поделать? Кушать то хочется.

– Что и рыба есть?

– Ага, – улыбнулся мужик. Поднял над головой пятилитровую обрезанную бутылку. Там наворачивало круги штук пять чёрных рыбёшек, похожих на пиявок.

– Страшные какие, – покачал головой Андрей. – Неужели здесь поймали?

– Нет, с собой принѣс, – ответил бомж – рыбак и рассмеялся.

– А что это за рыба?

– Ротанчики, – любовно ответил мужик.

Повисло молчание. Андрей развернулся и пошёл обратно по тропинке. Услышал за спиной.

– А может, искупаться хотите?

– Я что на идиота похож? – обернулся Андрей.

– Говорят в заводских отстойниках вода волшебная. Захочешь утонуть, не утонешь – всплываешь, – настаивал, улыбаясь, бомж рыбак. Он дёрнул за лесу, намотанную на палец. Потасил, часто двигая локтями, и вытащил очередную рыбу – пиявку.

– Эта рыба радиационная. Вы рискуете здоровьем, – сказал Андрей, – Здесь ночью всё светится, наверное.

– А то приходите на крещение? Я лунку пробью, искупаетесь, – настаивал бомж – рыбак.

– Да ни за что в жизни, – пробурчал Андрей, развернулся и пошёл по тропинке. Один раз он оглянулся: бомж – рыбак махал ему рукой в перчатке с обрезанными пальцами.

Андрей подумал, что все бомжи, все ущербные люди в чём-то походят. Сначала они улыбаются тебе приветливо и жалостливо... Как Аркаша. Как этот бомж. А стоит накормить их едой или хотя бы одарить вниманием, как они начинают гадить тебе на голову.

Почему?

Да, потому что завидуют!

Стоит тебе помочь такому человеку, как он начинает тихо тебя ненавидеть. Потому что, помогая, ты как бы говоришь во всеуслышание: вот ущербный человек, а вот я – нормальный и хороший. В этот момент рождается зависть больного к здоровому. Голодного к сытому...

Потом убогий человек скалит зубы и начинает наглеть. Советует тебе искупаться в проруби заводского отстойника на крещение. Или фотомонтажом приделывает голову твоей жены к обнажённым телам красавиц из «плейбоя» и любителю на них.

Сколько ещё работяг видели фото псевдо Анастасии?

Андрей представил, как Аркаша показывает фото на дверце и говорит чумазым соседям по ящику: «Видал, цаца какая? Брательника моёго жинка!». Работяги скалятся, любуются, цокают языками, касаются полиграфии грязными пальцами, говорят восхищённо: «Вот чо творит, сучка...»

Ненавижу!

Андрей шёл мимо чёрного пятна на белом снегу, где он растоптал пепел мерзких фотографий. Он остановился, и осатанело, как конь копытом, стал бить ногой землю.

«Андрей, ну помоги мне, ну что тебе стоит...» – звучали в голове слова брата из детства. Андрей слышал их и бил мерзкое чёрное пятно ещё сильнее.

Господи! Это не может происходить со мной. С нами. Сколько общих праздников. Сколько разговоров на кухне. Под чай, под кофе, под водочку... Сколько откровенностей, сколько тепла. И всё это время он только и думал, что о Насте.

Господи Всевышний, как же ты допустил это?!

Глава 11

Вечером дома Андрей смотрел с Настей телевизор в гостиной, и не замечал смысла мелькающих на экране со скоростью двадцать четыре кадра картинок. В груди Андрея что-то происходило.

Он вспомнил, как спросил священника после крещения: а у меня вот здесь, – он показал на середину груди, – что-то щиплет иногда и ноет... Что это может быть?

«Что это? – Священник посмотрел на него долгим взглядом и ответил, пожав плечами, – Душа. Что ж ещё?».

Сейчас душа буквально орала от боли. Андрей чувствовал себя Каем, в грудь которого прилетел маленький ледяной осколок. Ему стало холодно, и он снял плед с кресла, набросил его на ноги. Несколько минут сидел, неподвижно уставившись в телевизор, пока плед не съехал на пол. Андрей встал и прошёл к окну, открыл форточку.

За его действиями наблюдала Анастасия. На её коленях лежал садовый журнал открытый на странице с садовыми гномами. Настя смотрела журнал так же, как муж телевизор. Не понимая смысла.

В форточку залетал холодный воздух. Андрей укрыл ноги пледом и изо всех сил делал вид, что увлечённо смотрит телевизор. Он стал комментировать происходящее на экране.

Всё бы ничего, да только за пять минут он раз сорок переключил каналы. Анастасия тревожно взглянула на него, но ничего не сказала.

Андрей выключил телевизор, спросив у жены

– Ничего, если мы в тишине посидим?

– Ничего, – Анастасия пожала плечами.

Андрей пытался найти удобное место на мягкой тахте и не мог. Болела шея. Он принимал другое положение и вдруг прихватывало поясницу. Он выпрямлял ноги, и большой палец тянуло судорогой. Андрей лёг на живот, взглянул на ковёр на полу, потом на Анастасию.

– Насть, на ковре такой слой пыли...

– Какая может быть там пыль, Андрей? – нахмурилась Анастасия, отложила журнал в сторону, встала и закрыла форточку. Повернулась к мужу и спросила. – Что с тобой?

– Эти взгляды Аркаши... Насть... Ну...

– Ай, – Анастасия махнула рукой. – Я тысячу раз сама пожалела, что наговорила на Аркашу. Я ведь не уверена ни в чём. Так, спиной что-то чувствуешь. Прости меня...

– Ну-у-у, – Андрей не знал даже, что сказать. Услужливая память подбросила один из снимков коллекции Аркаши.

– Мы должны любить людей. Каждый человек выполняет какую-то функцию. Как в природе, если уничтожить волков, то нарушится природный баланс... – говорила Настя. – Если поубивать всех шакалов? Кто будет жрать падаль?

Пожиратель падали, – подумал Андрей. – Как это точно подходит к Аркаше.

Он наблюдал, как ногти вонзились в ладонь. Кожа вокруг них потемнела от прилившей крови. Надави ещё немного и брызнет.

Андрей зашёл на кухню, достал из верхнего ящика пузырёк с жёлтыми таблетками валерьянки. Засыпал их в рот, как леденцы.

Усыпить свою совесть хочешь, – спросил внутренний голос. – Самолюбие своё усыпить хочешь?

Это гордыня, – думал Андрей, с хрустом разгрызая валерьянку.

Это не гордыня, а гордость! Мужская настоящая благородная!

– Аркаша больше не будет надоедать нам, – сказал Андрей, возвращаясь в комнату.

– Как хочешь. Пусть каждый делает со своими родственниками что захочет. Аминь? – усмехнулась Анастасия.

– Аминь, – кивнул Андрей. – Я рад, что ты так понимаешь меня.

– А ты не видел мой осенний шарфик? – спросила Анастасия неожиданно.

– Нет. Что за шарфик?

– В полоску. Ты ещё сказал, что он как у Буратино. Он лежал в прихожей на вешалке.

– Я помню, – кивнул Андрей. – Сто раз видел его. Завалился куда-нибудь. Найдётся сам, не переживай.

Куда делся Настин шарфик? Андрей вдруг понял, что это не на шутку беспокоит его.

Полосатый шарфик. Это была такая же любимая вещь Насти, как все её плюшевые игрушки. В нём было что-то такое... Аура?

Да пожалуй, что. Он не придавал Анастасии элегантности, как некоторые из её длинных шарфов а – ля «творческая личность». Но было в этом шарфике что-то сказочное. Словно бы и вправду он был сделан папой Карло для Буратино. Задор, веселье, юность были в этом шарфике...

Анастасии постоянно нужно было что-то... Не женственное – не парфюмерия, не подтяжки лица и косметические салоны... Она искала юность, возможно детство в этих умильных игрушечках и вещичках.

Шарфик очень важен для неё, – подумал Андрей. – Только она боится признаться в этом.

Знает ведь, как презирает Андрей вещизм: «не собирайте себе сокровищ на земле, где воры подкапывают и крадут, а собирайте на небе...». Всё так, но...

Это же её любимый полосатый шарфик!

– А ты, Насть, везде смотрела? – спросил Андрей.

– Да. Я даже шкаф отодвигала. Весь день угрохала и всё обсмотрела. Весь дом, понимаешь?

– Понимаю. А может быть Катя надела или взяла? Помнишь, как она отдала твоё свадебное платье подруге?

– Помню, – засмеялась Анастасия. – Сейчас у неё и спросим.

В зал вошла Катя и упёрла руки в боки

– Шарфик ищите?

– Ищем. Ты взяла? – спросила Анастасия.

– Вы его не найдёте, – сказала Катя, выхватила у матери из рук дистанционку и плюхнулась на тахту, включив телевизор. Девочка часто надувала пузыри жвачки и делала вид, что увлечена только происходящим на экране.

– Почему это не найдём? – нахмурился Андрей. – Катя, перестань жеваться, как верблюд, и ответь на вопрос.

– Дядя Аркаша взял мамин шарфик.

В тот момент, когда Катя произносила эти слова, Андрей облизывал нижнюю губу. Язык так и остался там, прилипнув.

– Как взял? – прошептала Анастасия.

– Я сама видела. Я думала, что они уже ушли, и вышла в туалет. А дядя Аркаша обратно забежал, схватил мамин полосатый шарфик и под одежду спрятал...

Андрей прикусил язык, когда вспомнил вечер того дня, когда Аркаша пришёл к ним избитый. Он стоял на улице, Аркаша всплеснул руками: ах, я забыл паспорт и забежал в дом.

Вот значит зачем! Вот значит почему!

– Это мерзко... – прошептала Анастасия. – Андрей, зачем он это сделал?

– Такие дела с нашим дядей Аркашей... – бойко сказала Катя, выдувая очередной пузырёк.

– Ты можешь не жеваться? – спросил Андрей. – А почему ты не рассказала сразу?

Катя пожалала плечами. В женщине должна быть загадка, говорила её красивая мордашка.

Но ведь ты простил брата? – поинтересовался внутренний голос Андрея. – Ведь ты молился и говорил Господу: И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим... Ты же простил своего должника, Андрей?

Ни хрена я никому не простил! – подумал Андрей. Вскочил с дивана и мышцы его тела радостно затрепетали, словно бы только этого и ждали. Адреналин разбавил кровь, как пиво водку и ершом вонзился в сердце.

– Я скоро приеду, – сказал Андрей.

Чёрт подери тебя Аркаша! Этот полосатый шарфик самый лучший на свете! Он как сама Настя – весёлый, светлый...

Андрей быстро оделся и выскочил из дома. Он не хотел ничего объяснять жене. Возле «Дэу» он замер с брелком сигнализации. Его поразила, как копьё в ногу, мысль о том, что для любовного приворота необходима вещь жертвы...

Вещь, которая хранит ауру человека...

– Ну, держись, засранец, – прошептал Андрей, залезая в машину.

Глава 12

Куда мать девает деньги, вырученные от помощи страждущим чудес провинциалам? – думал Андрей, проходя в узкий коридор квартиры Елизаветы Сергеевны. На стене висела картинка, которую он подарил матери ещё в школе на день рождения. Господи, сколько же лет было ему тогда? Двенадцать, тринадцать? На картинке с помощью разноцветного картона и канцелярского клея Андрей изобразил «силу».

Он так и назвал картинку «Сила».

– Аркаша занят, – сказала мать. – Он просил не входить к нему.

Да уж, есть один плюс в том, что мать у тебя экстрасенс, – усмехнулся про себя Андрей. – Тебе не нужно объяснять цели своего визита.

Мать сжимала в руке две веточки. Судя по коленцам на них, это были ивовые прутики. Андрей знал, что их используют то ли при поиске воды, то ли ещё зачем-то.. Уточнять у матери он не стал. Разум её порой напоминал сухой валежник. Только поднеси к нему искру в виде интереса к сверхъестественному и запылает.

Мать похудела, и ростом будто стала ниже. Волосы сплошь седые и редкие он затягивала на затылке в тугий пучок, протыкала его бамбуковой толстой спицей. Глаза матери смотрели спокойно, словно бы зная всё наперёд.

Лет пять назад она сказала во всеулышание: у меня есть дар и я буду его развивать. Записалась в какую-то группу начинающих целителей. Каждый божий день ходила на лекции и семинары, терпела усмешки знакомых... Её бы усилия направить в другое русло. На воспитание Кати, к примеру. Андрей хорошо помнил, как Настя порой говорила в сердцах: у нас есть бабушка вообще или её нет? Выходило, что бабушки у них не стало, зато появился экстрасенс...

Андрей открыл дверь в комнату Аркаши.

– Мама, ко мне нельзя! – Аркаша сидел спиной к входу. – Я же просил тебя.

За столом при свете настольной лампы, младший брат выпайвал из платы детали и аккуратно складывал их в разнокалиберные баночки и коробочки. Это было давней страстью Аркаши. Просто однажды в детстве кто-то завидев его с паяльником, похвалил и сказал что-то вроде: какой умный мальчик. С того самого времени Аркаша частенько «паял». Выпайвал детали и раскладывал их по коробочкам, подписывал, хранил их и... никому не говорил, зачем он это делает. Андрей считал, что брат просто хочет временами быть тем самым «умным мальчиком», которого похвалил взрослый.

Седая шевелюра Аркаши была растрёпана. Комната скрывала в полумраке беспорядок. Кресло возле приоткрытого окна заставило Андрея вспомнить, как они жили здесь мальчишками вдвоём и пододвигали это кресло к окну, чтобы встать на него и покурить, часто оглядываясь на дверь, не войдёт ли мать?

Возле входа на грязной тряпке, оттаивая после улицы, стояли зимние ботинки. На вбитом в стену гвозде висела многострадальная дублёнка, которую Андрей уже лицезрел, когда брат заявился к нему избитым после банкета. Рваные раны дублёнки были зашиты белыми нитками.

Аркаша, не оглядываясь, взъерошил волосы рукой и сказал, продолжая что-то делать.

– Мама, я же просил.

– Я и не вошла. Это брат к тебе пришёл, – сказала Елизавета Сергеевна и вышла из комнаты, оставив братьев наедине.

Андрей положил руку на плечо Аркаши. Брат вздрогнул, обернулся. От паяльника, которым он копался в плате радиоприёмника шёл ядовитый дым канифоли.

– Я знаю, что ты чувствуешь к Насте, – облизывая губы, сказал Андрей.

– А что я чувствую? – глаза Аркаши забегали по комнате.

– Сам знаешь, что это и как выглядит! – повысил голос Андрей.

– Ты не понимаешь меня, – сказал Аркаша. – Никогда не хочешь даже понять родного брата!

– Пошёл ты к чёрту, – сказал Андрей. – Почему ты всё время думаешь, что ты кому-то интересен? Думаешь, все спят и видят узнать, отчего ты поседел в свои тридцать пять? Плевать всем на тебя, Аркаша. Зачем ты своровал Настин шарфик? Отвечай!

– Хочешь, ударь меня, – сказал Аркаша. – Ну?

– Ты дурак что ли?

– Да. Конечно. Младший братик у вас всегда дурачок. Вы всегда ненавидели меня...

– Заткнись! – не выдержал Андрей. – Как ты идиот не поймёшь, мы никогда не смеялись над тобой, после того как закрывали дверь. Я помогал тебе всегда искренне.

– Вот только не надо врать, – с трагичностью и нараспев произнёс Аркаша.

– Что тебе нужно от нас? Зачем ты украл шарфик? Колдовать? – спросил Андрей.

– Думай, что я фетишист, – прошептал Аркаша. – Думай, что хочешь, Андрей. Только уходи отсюда. Я же знаю чьих это рук дело. Это всё Ким подстроил!

– Пошёл ты! – Андрей схватил брата за шиворот, выволок из-за стола.

Да смирение, да спокойствие. Но ведь нельзя вечно прощать ему? Ведь даже сейчас, Аркаша пытается перетянуть одеяло на себя, свалить всю вину на Кима.

– Господи, Аркаша, ты хоть понимаешь, что всё это по-настоящему? Ведь ты взрослый мужик. Посмотри как ты живёшь!

– Ты говоришь, как Ким! Не надо меня учить жизни!

– Да. Говорю. И всегда говорил. Ты столько раз приходил ко мне, и каждый раз смотрел на неё... – Андрей покачал головой. – Ещё немного, Аркаша, и я не сдержусь.

– А я и жду, – прошептал Аркаша. – Когда ты не сдержишься. Когда ты покажешь своё нутро. Потому что ты такая же гниль, как Ким! Ты ненавидишь меня! Вы все меня ненавидите. Все. Всегда ненавидели!

– Ой, дурак. Где шарфик? – спросил Андрей. Аркаша кивнул на кровать, заваленную одеждой и старыми книгами. Андрей вытащил шарфик и покачал головой. – Ты безнадёжен, брат.

– Это ты безнадёжен со своей рабской религией. Тебе никогда не вместить...

Андрей не выдержал. Пафос слов брата так не совпадал с его поступком, со всей его жизнью, что Андрей не вытерпел.

Он залепил Аркаше пощёчину!

Раньше он никогда не бил брата. В детстве случались редкие потасовки, из которых он всегда выходил победителем. Но вот так – по-настоящему и обидно, он ударил в первый раз.

Аркаша прижал к щеке ладонь. Его голова затряслась как у паралитика

– Ты и Ким одно и то же, – из глаз Аркаши выкатилась слеза и остановилась возле ноздри, похожая на слизняка. – Если ты попал под энергетику Кима, он и тебя достанет. У него чёрная аура!

– Ким просто лысый здоровяк. А вот тебя лечить нужно, Аркаша.

Андрей взглянул на шарфик, и ему снова вспомнилось, как выбирали они его в бутике. Как радовалась Настя, что купила вещь. Свою вещь...

Этот гад словно чувствовал, что взять.

– Я не знаю, что ты испытываешь к Насте, – Андрей не смотрел на Аркашу. Ему не хотелось видеть бордовое пятно на щеке брата. – Я не знаю, что ты возомнил о себе...

– Я что не могу любить её? – воскликнул Аркаша.

– Да что ты можешь знать о любви? Ты же, как был ребёнком, так им и остался! Что ты можешь знать об уважении к женщине? Ты ненормальный, Аркаша. Слышишь меня?

Андрей ещё сильнее осознал глубину происшедшей трагедии. Всё время пока он мнил себя таким Моисеем, водящим за собой народ, его младший брат похотливо смотрел на Анастасию. Сколько мыслей подлых, сколько мыслишек эта сволочь перебрала, валяясь вот на этом заваленном хламом диване.

– Всё, Аркаша. Если ты хотя бы на пушечный выстрел подойдёшь к Анастасии или Кате. Я сделаю тебе очень больно, – сказал Андрей. – Намного больше, чем эта пощёчина.

– Ты же христианин? – осклабился брат. В его глазах плескалось понимание собственной подлости, – Ты же должен помогать мне. Прощать меня.

– Нет, – Андрей сглотнул тугой комок. – Я ничего тебе не должен.

– Ты должен всё прощать! – взвизгнул Аркаша. – Абсолютно всё.

Андрей вышел из комнаты брата, сжимая в руке осквернённую вещь Анастасии. В квартире плескался запах ароматических свечей. Андрей бросил взгляд в комнату матери и сразу же отвёл его.

Госпожа Елизавета смотрела на огонь свечей, отражавшихся кругляшками света вокруг пламени в зеркале большого трюмо. На лице матери был нанесён крем синеватого цвета, а на глазу лежал чайный пакетик. Андрею показалось, что лицо матери походит на лицо трупа с выдавленным глазом.

Елизавета Сергеевна наклонила голову, прощаясь со старшим сыном. Свечи дрогнули, затрепетали, как жёлтые бабочки.

Глава 13

Случалось за жизнь всякое. Бывало, что Андрей серьёзно порывал с близкими и друзьями. Потом возникало ощущение сквозняка в груди. Холод и пустота. Словно бы был припаян человек к тебе невидимой для глаз душевной диффузией, а потом раз и отодрала его судьба.

Аркаша заявился к Андрею домой уже на следующий день. На Андрее был надет яркий спортивный костюм. В руках Андрей сжимал метлу и морщился, глядя на кучу грязной смеси снега, земли и мёртвых листьев, которую смёл с дорожки в канаву.

Аркаша смотрел себе под ноги. Седые волосы растрепались и повисли с головы как верёвки. Его рваная дублёнка сделала бы честь бомжу.

Облака на небе бежали от солнца, как грабители банка от полиции. Белые снежинки в прозрачном воздухе, падали на землю и немедленно становились грязью. Земля ещё не остыла и убивала красоту снежинок своим теплом.

Прилетела стайка голубей и принялась клевать овёс, что насыпала Анастасия возле колодца. Между птицами вспыхнула драка. Мельтешили крылья. Голуби подскакивали. Андрей увидел, что одна из птиц уже не держится на лапках. Сородичи методично долбили её по темечку. Удар – клюк, клюк, клюк... Птица упала рядом с овсом.

– Придурки, – прошептал Андрей и шуганул стаю. Птицы взлетели в воздух. Андрей мстительно намёл на овёс жидкой грязи метлой и склонился над неподвижно лежащим голубем. Коснулся его пальцем.

Голубь вздрогнул, встал на лапки, побежал по дорожке, как самолёт, набирая скорость, и взмыл в воздух.

Андрей повернулся к Аркаше.

– Зачем ты пришёл? Я всё сказал тебе.

– Ты рассказал ей? – спросил Аркаша, поглаживая пальцем глазок домофона.

– Я ничего не сказал Насте, – Андрей облизнул губы. Говорить о жене с братом извращенцем было в высшей степени неприятно. – Слушай, Аркаша, я тебе сказал уже: никто о тебе здесь не думает. И никогда не думал. Лучше успокойся и занимайся своими делами.

– Ты ведь простил меня? – Аркаша зябко поёжился под дырявой дублёнкой.

– Нет, Аркаша, я хотел бы простить, но не могу.

Аркаша выглядел потерянным, злым и ничтожным.

– Ты даже не вступишь меня в дом?

– Нет.

– Ты не христианин, – сказал Аркаша. – Ты лицемер.

– Не тебе судить. Уходи, Аркаша. Я пока сдерживаюсь. Пока...

– Да что я такого сделал-то! – воскликнул в сердцах Аркаша. – Что вы меня все так ненавидите?

– Ты... – Андрей не находил слов. Мерзкие фотографии, сворованный полосатый шарфик... – Пошёл вон!

Андрей испытал изумительное чувство облегчения, когда произнёс эти слова и закрыл дверь прямо перед носом Аркаши, стоявшего перед калиткой стыдливо изогнувшимся знаком вопроса. Вот так и нужно было сделать в самый первый раз, ещё в детстве, когда мать сказала: иди и помоги брату...

Вот и всё, Аркаша. Теперь мы стали взрослыми.

Андрей не слышал удаляющихся шагов за забором. Значит, брат стоял там и ждал. Как собака, которую приютили на время, потом не может поверить, что её опять выгнали на улицу. После стольких халявных кормёжек!

Да уж, думал Андрей, не получилось бы из меня отца блудного сына. К чёртовой матери бы послал такого сыночка. Сказал бы ему, иди туда, где все деньги промотал.

Но если ты так поступаешь, тогда какой смысл креста на тебе? – задала вопрос внутренняя сущность Андрея. У неё было какое-то исключительное право звучать внутри него, выходясь на многие октавы над другими внутренними голосами.

Какой Смысл?

Я верю в Бога.

В Иисуса? В сына его?

Да.

Почему тогда ты брата хочешь сделать жертвой, но не себя? Открой дверь ему и пусть он войдёт.

– Я боюсь Кима, – вдруг прозвучал за дверью голос брата. – Я боюсь, что Ким убьёт меня.

Андрей молчал. Нужно съесть эту горькую пилюлю. Нужно показать характер, а потом брат научится сам решать свои проблемы.

– Андрей, ну помоги-и-и... – голос Аркаши надломился, а потом раздалось то, что мужчины меньше всего хотят слышать. Плач.

Андрея не выдержал образа, услужливо подsunутого ему воображением. Катя возвращается из школы и видит дядю Аркашу, плачущего возле их дома. Великолепно! Изумительно! Андрей ударил по металлу двери кулаком и заорал

– Заткнись и уйди от моего дома!

За забором захрустел снег. Андрей бросил метлу возле двери и вернулся в дом.

Анастасия сидела в коридоре на пуфике и внимательно смотрела на мужа. Она спросила

– Ну и какой сегодня праздник?

– Какой ещё праздник, Насть? – нахмурился Андрей .

– Такой. Что, провожая младшего брата надо бить кулаком в дверь и орать? Быть может это новый обычай?

– Всё новое – это хорошо забытое старое, – пробурчал Андрей.

– Я шарфик постирала, – сказала Анастасия медленно. – Два раза с дополнительным полосканием. Подумала – и выкинула его.

– Правильно сделала, – кивнул Андрей.

Глава 14

Примерно после двадцати трёх лет мужчина с периодичностью раз в полгода довольно серьёзно задумывается: а что я сделал полезного для окружающего мира? В таких мыслях хоть и есть невольный пафос в стиле «жизнь надо прожить так, что не было мучительно больно...» Но пафос этот сходит на нет, когда такие вопросы мужчина задаёт себе, находясь в полном одиночестве. Порой мужчина, задав вопрос, не может найти ответ. Он понимает, что очередные полгода жизни пролетели так же бесполезно, как клочок туалетной бумаги по ветру из деревенского туалета на улице.

Спасает пиво. Ещё лучше помогает водка. Наркотики тоже позволяют заглушить мысли о собственной бесполезности в рамках существования вселенной. Но это ненадолго. Нельзя же быть вечно пьяным или под кайфом?

Аркаша сжимал в руке смятую пластиковую бутылку с пивом. Так грудничок сжимает ладошками мягкую титьку матери. Аркаша хлебнул из бутылки. Пиво выдохлось, было тёплым. От него мутило живот, подташнивало, и оно горчило, как сто разжёванных таблеток анальгина. Аркаша даже посмотрел на этикетку, чтобы вспомнить о том, что это пиво. Он взлохматил седые волосы: как же не походит этот мерзкий вкус на то, что рекламируют по телевизору.

Аркаша подошёл к серванту и вспомнил вдруг, как лазили они здесь вместе с Андреем в детстве. Закрывались в ящиках, перекрикивались. Пару раз даже чуть не свалили сервант. Однажды разбили градусник и долго игрались ртутью, катая её мягкие катышки по полу. Пока не пришла мать и не наорала на обоих.

Полки серванта с одной стороны были заставлены книжками. Это были дешёвые издания фэнтэзи. На обложках красовались мускулистые викинги, а рядом коленапреклонённые белокурые полуобнажённые красавицы. На полках справа стояли видеокассеты вперемешку с дивиди дисками. Фильмы все были про войну, спецназ, ментов и бандитов.

Музыкальных дисков было всего три: две части «Зоны убойного шансона» и «Застольные песни русских мужиков для караоке». Рядом валялся микрофон. К пыльной сеточке прилипла жвачка.

В самом углу комнаты закрытый длинной спинкой продавленного кресла, на письменном столе стоял компьютер. Рядом валялись старые платы и диски – в основном игры стрелялки и эротика.

Аркаша подошёл к столу и взял кожаную визитницу. Стал перебирать визитки: генеральный директор, исполнительный директор, главный менеджер, журналист, писатель...

Он нашёл эту визитницу в парке культуры пару лет назад. Её оставил на лавочке субъект в дорогом костюме, долго пивший в одиночку. Аркаша думал сначала, что это кошелёк с долларами. Оказалась визитница. Он притащил её домой и когда наступали полугодовые вопросы самого к себе: а что я сделал для этого мира, он доставал визитницу и представлял, что все эти люди – его близкие друзья. Однажды он набрал номер какого-то директора, услышал грубый голос в трубке и немедленно положил её, устыдившись...

Я ничтожество, – подумал Аркаша, сделав очередной глоток мерзкой пивной гадости из пластиковой бутылки.

Он залез на диван с ногами и смотрел на тумбочку возле стены. Раньше там стоял телевизор, пока он не отнёс его в ломбард, чтобы выручить денег на платёж по кредиту. Волны, исшедшие от телевизора, оставили отпечаток на стене. Такие же волны повсюду. Аркаша затравленно посмотрел на дверь.

Матери дома нет...

Аркаша сосредоточился на ощущениях. Он сложил ноги по-турецки и пытался войти в транс. Мои руки слабеют, мои ноги расслабляются...

– Я отказываюсь от своего брата... Я проклинаю своего брата. Я желаю жену своего брата. И я счастлив, что признаю это. Я счастлив. Белое сияние облекает мою метафизическую сущность... – шептал Аркаша.

Эти уверения себя в собственной полноценности помогали порой. Но только не сегодня! В голове обосновался шkodливый чёртик. Дьявольски смеясь, он верещал: «Конечно! Белое сияние вместо заложенного в ломбард телевизора. Метафизическая сущность материнных денег, на которые живёшь уже столько лет!»

Аркаша поджал губы. Выражение лица стало обиженным и детским. Он ощутил покалывание в кончиках пальцев. Так всегда случалось с ним, перед тем как он начинал видеть что-то, что он связывал с параллельной реальностью.

Это могут видеть только избранные.

Я – избранный! – мысленно Аркаша похвалил себя. Так тоже советовали в книжках, на обложках которых всегда сияло солнце, люди улыбались, а в названии присутствовало слово «как достичь» и множество синонимов счастья.

«Да! Достигатор ты наш великий! А у твоего брата оклад в две с половиной штуки баксов. Красавица жена, дочка и дом в три этажа. И это не предел! И, знаешь что, товарищ избранный токарь – универсал с металлургического завода? Знаешь что?» – злорадствовал голосок в голове.

Аркаша поморщился. Раньше голосок бормотал что-то на периферии, но сегодня он обнаглел и орал прямо в ухо. Аркаша открыл и закрыл глаза.

В книжке, купленной недавно матерью, было сказано, что мысли, возникающие во время сеансов самогипноза, нужно не замечать. Пусть они текут, как мусор в потоке чистого сознания, – примерно так было написано там.

Ужасно, но даже эти мысли не были секретом для мерзкого голоска.

«Точно, парень! Как мусор в потоке чистого сознания жизни. Это ведь про тебя, верно?»

Аркаша взъерошил волосы. Пальцы рук и ног кололо так, будто множество иголок невидимые существа втыкали в них. Знакомые с детства вещи в комнате: сервант, диван, ковёр на стене виделись через призрачную дымку.

В такой дымке проникает в наш мир другая реальность, – говорила мать. – Это великолепный момент проникновения...

Я должен жить не здесь, – думал Аркаша, – Этот мир слишком злой, слишком меркантильный. Я из другой реальности. Я герой – там, но никто – здесь. Я – нищий Будда, я плотник из Назарета!

«Токарь из провинции! Надиванная проповедь Аркадия Великого! Слушайте соседи, как я возжелал жену брата своего и ни капли не жалею!» – бесновался голосок.

Аркаша рывками двигался по комнате. Он, то ложился на диван, то вставал и надолго замирал посредине комнаты.

Да я чувствительный человек, – думал он, и эти мысли бальзамом лились на израненное самолюбие. Я намного чувствительней, чем Андрей, чем мать...

«Такой чувствительный, что боишься всего на свете!» – прыснул со смеху голосок в его голове.

Телефон залился трелью. Аркаша вздрогнул и проглотил тугой сгусток горькой пивной слюны.

– Аллю?

– Привет, Аркаша, – это был... Её голос! Внутри Аркаши что-то растянулось и разорвалось. Голова стала пустой, как сахарница сладкоежки в воскресенье. Голос Анастасии заполнил всё вокруг... – Андрея что-то долго нет. Ты не знаешь, где бы он мог быть?

Голос жены старшего брата звучал буднично. Будто звонить Аркаше было самым обычным её занятием. Помехи на линии немного изменяли её голос, делали металлическим, но Аркаше это не мешало. Он часто дышал, сердце в груди радостно билось. После некоторого раздумья он решил называть её так, как всегда мечтал: не Анастасией, не Настей, а Настюхой.

Будто он знает её как облупленную.

– Привет, Настюха! Я вообще-то звонил Андрею недавно. Узнать как дела и вообще, проверить как он без меня... – Аркаша приосанился. Он, Аркаша, теперь взрослый и умный, а все они – Ким, Андрей, кувыркающиеся в песочнице сосунки!

– И ты знаешь, где сейчас Андрей?

Аркаша сделал голос ещё грубее, ещё больше выпрямил спину.

– Нет, Настюха, понятия не имею, где ходит твой Андрюшка... Не нравится мне его поведение в последнее время. Суматошный стал какой-то, в глаза не смотрит...

«Да, да! – бесновался в голове голос чёртика. – Так ему. Оклад в две штуки баксов, перспективы на работе... А мы с его женой запросто болтаем! Вот тебе, умник! Надо жене больше внимания уделять!»

– Последнее время я стала за него беспокоиться...

Аркаша плыл в интонациях голоса Анастасии, как в лодке влюблённых, по воде залитой солнцем.

– Продолжай, Настюха. Я весь во внимании! – воскликнул Аркаша и плюхнулся в кресло. Забросил ноги на стол. Клавиатура слетела на пол и рассыпалась, матерясь буквами на клавишах. Аркаша ничего не замечал.

– Я думаю, что мой Андрюшка начал дурить, – теперь Анастасия говорила тоненьким голоском. – Он нервный какой-то стал. От него часто пахнет спиртным... И он верит во всякие небылицы, представляешь, Аркаша? Пытается оправдать свои неудачи Богом! Говорит мне нагло так, представляешь, Аркашенька? На всё воля Божья. А кто так говорит?

– Неудачники, – усмехнулся Аркаша. – Ясно понятно кто твой муженёк. Андрей с самого детства неудачник! Я вот, Настюха, вообще в бога не верю. Пошёл он этот бог, где валялся!

– Правильно. Настоящему мужчине не нужны авторитеты... Иногда я думаю, зачем я Андрюшку выбрала, а не тебя...

– О, Настюха, не руби с плеча, – благодушно усмехнулся Аркаша. – Я, может быть, поговорю с ним. Надо же хоть под старость лет воспитать человека.

– Я была бы так тебе благодарна. Это так ему нужно – разговор с настоящим мужчиной! Может быть, хоть тогда он одумается и поймёт, что миром правит не дурацкий бог на облачке, а... Настоящие самцы!

– Настоящие самцы? – усмехнулся Аркаша. – В точку, Настюха! Это как с меня срисовано!

– Самец. О, да, – прошептала Анастасия в трубку. В груди Аркаши разгорался пожар.

Пару раз голос совести принимался твердить ему: эй, это жена твоего брата, нельзя так с ней разговаривать!

Но ведь она сама мне позвонила, – оправдывался Аркаша. – Я ничего такого не собираюсь делать. Если Андрей нормально не удовлетворяет Настю...

Стоп! Прекрати! Прочь такие мысли! Прекрати это немедленно! – заорал внутренний голос так, будто его живьём резали.

Аркаша посмотрел на разбитую клавиатуру, потом на трубку в руке. Та мерзко улыбалась ему слуховыми отверстиями. Аркаша закусил губу, разжевал и съел кусочек собственной обветренной кожи. Рот наполнился кровью.

– Анастасия, ты, мы. В общем, Андрей скоро вернётся. Я думаю, вам нужно будет помириться...

– С ним? Да я с ним живу только потому что у нас общий ребёнок. Да и знаешь, что я тебе скажу?.. – заговорщицки прошептал голос Анастасии.

– Что? – Аркаша натянул провод телефона. Пальцы уже не покалывало предвестником самогипнозного дурмана! Их словно уксусом помазали и теперь кололи теми штуками, которыми врачи протыкают пальцы, когда берут кровь. Хотелось орать от боли и наслаждения.

– Катя не дочка Андрея.

– Что? – мир остановился в этот момент для Аркаши. Его продавленное и вонючее кресло, стало центром вселенной. Мироздание рухнуло и взвелось вновь, взяв за основание кресло в его комнате. Аркаша прошептал. – А чья же она дочь?

– Ты бы хотел знать, чья она? – юлила Анастасия. Голос её вибрировал от металлических интонаций.

Помехи на линии не помешают узнать страшную тайну! Тайну, достойную сериальных фэнтэзи, стоявших на полке серванта.

– Скажи мне, Настюха... – умолял Аркаша.

– Эта тайна убила бы твоего брата, – голос Анастасии вибрировал от неги, истомы. Он обволакивал Аркашу, как аура, как биополе.

– Катя – твой ребёнок. – Анастасия заплакала в трубку. – Аркашенька милый, как же я люблю тебя!

– Этого не может быть! – Аркаша смотрел на себя в отражение серванта, думая: А я всё-таки ничего. Хоть и весить стал под сотню, поседел на корню и рожа после заводской копоти сморщилась. Но это всё вторично! Бабы любят настоящих самцов. Самцам жир и грязь только добавляют мужественности.

Так вот тебе братец!

Трёхэтажный дом, машина, хорошая работа и должность на «Заводе стекла»... Всё вторично. Главное ведь не материя, а дух. Чего-чего, а этого добра у них с матерью всегда было в избытке. Духовные знания... Потёртый томик Кастанеды в туалете. Кассеты «Как открыть третий глаз» «Как развить внутреннюю силу». В карманах Аркаши всегда лежали оборванные со стендов на остановках телефоны с заголовками: «Сайентология», «Дианетика», «Помоги себе сам», «Заработай, не работая»...

– Настюха, но мы же с тобой даже не это... Ну как бы это сказать... Ведь ты жена моего брата, чёрт возьми, хоть он и неудачник, но мне порой жалко его... Ведь он сам загнал себя в такие скотские условия...

– Ты всё забыл, котёнок, – прошептала Анастасия. – Помнишь, наш совместный новый год? У нас на старой квартире?

– Ага, помню, – пробормотал Аркаша.

– Какие же мы были тогда молодые. Мы все жутко напились, и ты спал в маленькой комнате, а я пришла к тебе под утро, потому что у Андрея всегда были проблемы ниже пояса...

– О! – воскликнул Аркаша. – Я так и думал... Не зря он себе богом еврея сделал!

– Да, – мягко сказал голос Анастасии. – Да, милый, да... Мы стали с тобой одним целым. А ты, дурачок, всё и забыл.

– Теперь я вспомнил! – заорал Аркаша и выскочил из кресла. Упал монитор и погрёб под осколками кинескопа диски с «клубничкой».

Аркаша принялся бегать по квартире, разговаривать, посмеиваться со значением, позировать. Он не замечал, что провод телефона, выданный из розетки, тащится за ним по пятам, как змея. Аркаша орал в трубку

– Я думаю, откуда во мне это тяга к тебе? Почему я хочу тебя, Настюха?! Вот значит почему! – Аркаша взвизгнул как баба, выставил руку наверх, как это делают боксёры на ринге, после победы. – Да! Я имел тебя! Красавицу жену своего ути – пути хорошенького православного братца. Тебе ведь нравилось?

– О-да-а-а... – шептала трубка. – А сейчас я хочу, чтобы ты вышел ко мне и обнял меня. Ведь я, твоя Настя, всегда предназначалась тебе. А не этому жирному тупому бесчувственному ослу. Я твоя. Возьми меня снова. Я буду исполнять все твои прихоти. Я буду делать это точно так же, как девушки на твоих любимых кассетах и дисках...

– Откуда ты это знаешь? – Только сейчас Аркаша заметил, что стоит на балконе.

Ледяной ветер пронизывал до костей и бил подзатыльники по его голове с растрёпанными седыми волосами. Босые ноги, стоящие на корке снега сводило судорогой. Пальцы побелели, ногти стали трупного цвета. Телефонная трубка выпала из рук. Провод чернел на снегу, как сброшенный хвост ящерицы.

– Нет. Это невозможно. Это... – Аркаша перегнулся через перила и увидел огромного лысого человека возле скамейки подъезда. Полы его зимнего пальто с роскошными меховыми отворотами раздувал ветер, и от этого казалось, что человек взлетит сейчас в воздух, как ворон.

Это был Ким.

Аркаша видел, как двигаются губы Кима. Ветер подхватил его шёпот и донёс к Аркаше. Слова Кима завладели всем его существом, проникли в сердце, окутали роем навозных мух душу

– Она всё слышала. Ты – идиот, Аркадий Трофимов. Все твои излияния слышала Анастасия. А сам ты разговаривал со мной! Как тебе, Аркаша, моя придумка с Катей? А, тебе бы понравилось, если бы это было правдой? А, извращенец чёртов?

– Как ты это сделал, Ким? – Аркашу била дрожь. По щекам ползли слёзы. Всё, всё было ложью! От начала и до конца.

– Я думаю, теперь Андрей убьёт тебя, – уверенно сказал Ким. – И правильно сделает. Такому ничтожеству как ты нет прощения. Я отказываюсь делать из тебя нормального человека, Аркадий Трофимов! Ты бесполезен сейчас и безнадежен в перспективе. Может быть, ты сделаешь это сам?

– Ах, ты сволочь, Ким, – Аркаша посмотрел на телефонную трубку в снегу и заплакал.

– Убей себя сам. Помоги себе сам. Убей себя сам. Помоги себе сам... Убей себя сам...

– Заткнись, Ким!!! – заорал Аркаша.

Он встал на колени. Вдруг что-то важное возникло в мозгу. Это нужно было исторгнуть из себя, поведать всем, поведать миру, чтобы больше так не делали. Чтобы не могли делать это. Потому что это пришло через него и обожгло его, и убило. Это нужно было остановить...

Аркаша выпрыгнул с балкона. Телефонная трубка зацепилась за ногу и летела вместе с ним. Из неё раздавались какие-то звуки или это был просто ветер...

Глава 15

Сложно не роптать на Бога, когда погибают близкие и родные...

Андрей отпросился с работы, когда узнал о гибели Аркаши, и мчался за рулём «Дэу». На перекрёстках он выныривал на поверхность реальности, смотрел в зеркало заднего вида и спрашивал мысленно у своего отражения: неужели это началось?

Что началось?

Да то самое, от которого каждый день просишь защиты у Бога. Избавь меня Господи от ноши, которую я не смогу вынести. Христиане говорят, что Бог не даёт испытаний, которые человек не может перенести. Но иногда, кажется, что или у людей огромный запас прочности, или Господь забылся и «грузит» людей по полной.

Настя, Катя, мать, Аркаша и сам Андрей, казалось, теперь проявились на плёнке жизни и стали видны чему-то злому, что до поры до времени отступало перед его молитвами. Бог не сомневался во мне до поры до времени, – думал Андрей, – А когда я возненавидел брата... Когда не смог его простить и обрёл на самоубийство. Господь отвернулся от меня в гневе.

Не это ли самый тяжкий грех? Быть Каином, а думать, что ты Авель?

Нет. Нет. Нет!

Аркаша бы не жил вечно. Скорее рано, чем поздно такая, как у него безалаберная жизнь оборвалась бы. Андрей почти не сомневался, что Аркаша, когда прыгал с балкона, был уверен, что это не навсегда, что это временно. Что приземлившись на землю, он встанет, отряхнётся и пойдёт дальше... Ещё и посмеётся вместе с соседями над своим полётом.

Андрей всегда думал, что члены его семьи будут жить если не вечно, то хотя бы лет до семидесяти. Все. По максимуму.

И откуда же это ощущение избранности? – поинтересовался внутренний голос. – Чем вы, Трофимовы, заслужили такое право?

Да потому что я каждый день молился Богу, разговаривал с ним, как с близким человеком, – думал Андрей. – Все мои мысли у Бога, как на ладони. На вот, смотри, Господи!

Аркаша – самоубийца, – дошло вдруг до Андрея. – Брат стал тем, для кого закрыты врата Царствия Небесного. Бомж в Царстве Небесном. Деклассированный элемент в мире ангелов.

Андрей остановил машину возле дома матери. Возле подъезда стояли люди, показывали руками на палисадник, потом наверх, на балкон матери на шестом этаже и, словно сговорившись, покачивали головами. Было что-то автоматическое в движениях людей. Генетическая память, что ли срабатывала? Когда рядом покойник, нужно смотреть и двигаться вот так и вот так...

Андрей подошёл ближе и раздвинул тела людей, как створки ворот в неизведанный мир. На скамейке лежал мёртвый младший брат. Его руки безжизненно свесились и ногтями упирались в грязь. Больше всего пугали ноги. Оголённые синие ступни Аркаши, казалось, жили отдельной жизнью.

Андрей усилием воли остановил себя. Хотелось снять с себя или с кого-нибудь носки и натянуть их на ступни брата. Казалось, что Аркашке холодно и очень. Андрей взглянул на приоткрытые глаза брата и отвёл взгляд.

Деревянный заборчик палисадника был сломан. Кто-то из соседей, проследив за взглядом Андрея, услужливо сообщил

– Это мы Аркадия тащили и сломали...

Остальные молчали, как рыбы за стенками аквариума и только шевелили плавниками своих плеч, зябко ёжась от начала зимы и присутствия рядом трупа.

Так и хотелось спросить соседей: Что встали? Что молчите?

Подбежала дворняга и уселась возле скамейки. Люди следили за ней пристально. Люди всегда хотят знамений и чудес. Немедленно в толпе послышались разговоры о том, что собаки чувствуют смерть и покойников. Слова о том, какие собаки умные. Слова о том, что, может быть, эта собака знала Аркашу и теперь прибежала откуда-то издалека, чтобы проститься с ним.

Собака гавкнула радостно, завиляла хвостом и отпрыгнула от скамейки, побежала дальше. Кто-то в толпе выразил мнение, что это ненормальная собака, которая не чувствует покойников.

Аркаша ничего этого не слышал. Он был мёртв.

Андрей сделал шаг по направлению к брату и остановился. Он вдруг увидел, что голова брата ненормальной формы. Она была как смятое варёное яйцо. А затылок мягкий и влажный, как болотистая земля. Только вместо болотной жижи поблёскивала кровь.

Андрей отвёл взгляд. К окнам первых этажей прилипли бледные лица. Они походили на вампиров, выглядывающих из щелей фамильных склепов. Андрей увидел мальчугана лет десяти. Он явно стоял на табуретке и, высоко подняв мобильник, снимал происходящее на улице.

Андрею вдруг захотелось швырнуть в окно мальчишки камнем, чтобы малолетнего папарацци пришибло. Андрей не успел осудить себя за мерзкие мысли по отношению к малолетнему ближнему, потому что в толпе раздался голос

– А где же этот лысый человек?

Андрей насторожился. Лысый человек? Он знал одного лысого человека, от которого страдал Аркаша.

Андрей увидел старика Никитича, курившего «Беломор» и сплевывавшего на землю тугие нитки болезненно жёлтой слюны.

– Александр Никитич, здравствуйте, – сказал Андрей. – Вы меня помните?

– А я вас всех помню, – сказал старик. – Мне восемьдесят один год.

– О ком вы только что сказали? Что за лысый человек? – спросил Андрей.

– Все родственники такие, – ужаснулся старик. – Все – свиньи неблагодарные. Тебе вон там надо быть. Возле брата. Последний раз ведь всё это... А ты тут.

– Я знаю, – кивнул Андрей. – Я знаю, где мне нужно быть. Скажите, о ком вы говорили?

– Я первый вышел, а он тут уже был. Стоял и будто любовался, – сказал Никитич. – Здоровый мужик. Башка круглая как яйцо...

– А вы можете его описать... Может быть он, – Андрей не знал как объяснить Никитичу свои подозрения.

– Не надо, Аркаша... – сказал Никитич. Сплюнул в сердцах и перекрестился. – Прости, Господи. Андрюша! Я вас всегда путал. Вы вроде не походите, а я всегда путал... Сам он спрыгнул. Не помогал ему никто... Лысый или волосатый его первым увидел, какая тебе разница?

Действительно, какая разница? – думал Андрей. Он подошёл к трупу Аркаши, присел рядом на корточках. Он не смотрел на тело, но сейчас ему нужно было быть рядом. Правильно говорил старик. Старики в вопросах смерти спецы. Они изучают эту учебную дисциплину бессонными ночами. У них самый лучший преподаватель по предмету «смерть», которого зовут «страх».

Какая разница, даже если был здесь кто-то лысый?

Неужели ты думаешь, что Ким был здесь?

И что? Он убил его?

Сказал ему: прыгай, Аркаша и тот прыгнул? Ну что за бред!

Признайся себе Андрей Трофимов! Признайся, что хочешь выставить чужого человека виноватым. А ведь это ты убил брата. Неявно, но убил. Пощёчина за день до самоубийства – это повод задуматься над своей виной. Конечно, Аркаша был неуравновешен, его преследовали проблемы – типичный суицидальный букет похоронных тюльпанов...

Признайся, что ты убил его!

Нет.

Хотя бы не вини тогда других людей...

Пожалуй, что так всё и есть, – думал Андрей, наблюдая, как рядом с его «Дэу» паркуются два «Уазика» – милицейский и с красным крестом. Санитары подошли к скамейке с чёрным мешком. Андрей отошёл на шаг и вот уже похоронщики потащили тело брата, как ковёр, свёрнутый в трубочку.

Милиционер дотронулся до плеча Андрея и сказал

– Мне нужно поговорить с вами...

Андрей кивнул. Подъехало такси, и вышла Елизавета Сергеевна. Соседи обступили её, выражая соболезнования. Госпожа Елизавета холодно смотрела, как грузят тело её сына в машину. Она скрестила руки на груди, какое-то время стояла так, а потом подошла к Андрею и участковому, спросила

– Кто убил моего сына?

Милиционер переглянулся с Андреем, кивнул чему-то и спросил

– Вы ничего не замечали странного в последнее время?

– Нет, – сказал Андрей, думая о словах Никитича о здоровом лысом человеке. И ещё думая о пощёчине, которую залепил брату день назад.

– Вы не ответили на мой вопрос! – голос матери стал неприятным. Андрей обнял старушку за плечи. – Я хочу знать, кто убил моего сына...

– Мама, он сам это сделал, – сказал Андрей.

Ноги Елизаветы Сергеевны согнулись в коленях, будто она хотела встать на них и помолиться Богу.

Андрей подхватил её, и участковый тоже вытянул руки. Так они замерли на долю секунды, показавшуюся вечностью, а потом зашли в подъезд и поднялись на шестой этаж в квартиру госпожи Елизаветы.

Глава 16

Рождение человека, свадьба, смерть... Если бы Андрея через два дня после самоубийства Аркаши, спросили бы, что в них общего, он не задумываясь бы ответил: желание напиться водки.

Андрей стоял в оцепенении перед окном на кухне своего дома и смотрел в огород, раскрашенный первым сильным снегопадом, будто белой акварелью.

Андрей походил взад и вперёд по кухне, потом набрал воды в кастрюлю, поставил на газ и засыпал вермишели. Когда кулеш приготовился, Андрей опомнился, и, ругаясь, стал вываливать дымящуюся паром вермишель из кастрюли в мусорное ведро.

Катя забежала на кухню, покачала головой, видя такую кулинарию

– Пап, иди. Я сама приготовлю что-нибудь.

– Неужели, ты будешь готовить? – удивился Андрей.

– Пап, я знаю, что вы думаете, будто у меня переходный возраст и всё такое, но я не полная скотина. Я думаю, что моя еда будет лучше этой вермишели.

– Ты молодец, Кать, – Андрей остановился в дверях кухни, сжимая полотенце. – Я горжусь, что ты у меня такая...

– Какая? – усмехнулась дочка, залезая в холодильник в поисках вкусовостей в пределах допустимых сроков годности.

– Такая. Умная, независимая и добрая. Я люблю тебя.

– Я тебя тоже, пап. И пап, это, ну, извини, что я Иисуса с Гэндальфом сравнила.

– Ерунда это всё, Кать... – пробормотал Андрей и медленно поднялся по лестнице в домашний кабинет.

Андрей закурил и прошёлся по кабинету. Полки с книгами, невидимая глазам подсветка. Окна с двойными стеклопакетами, чтобы звуки улицы не отвлекали хозяина от размышлений над жизнью. Аркаша, наверное, много бы отдал за такой кабинет, – подумал Андрей, вспоминая комнату брата, похожую на шалаш бомжа.

А может быть ты и кабинет этот отгрохал, чтобы привести сюда непутёвого младшего братца. Чтобы он потом маялся от зависти? А, Андрей Иванович?

Андрей подошёл к стеклянным дверкам бара и после секундного колебания открыл пузатую бутылку и налил в фужер коньяку. Коньяк по цвету напоминал мёртвую кровь...

Что ты выдумываешь? – оборвал себя Андрей. Давно ли ты свежую кровь видел, не говоря уж о мёртвой? Андрей взял дольку лимона с тарелки, которую прихватил с кухни.

Пожевал.

Великолепно. Вкус коньяка смешался со вкусом лимона, и получился вкус самой жизни – горький и пьянящий. Андрей побаяюкал коньяк в фужере, разглядывая маслянистые разводы, которые тот оставлял на стекле. Глотнул, поморщился и отставил его в сторону.

Пьянству бой.

Андрей прошёл к столу и достал иконку Спасителя, поставил её на стол и долго смотрел, не мигая в глаза Иисуса. Потом он поставил рядом общую фотографию пятнадцатилетней давности с празднования общего Нового года. Достал молитвослов и прочитал молитвы Богородице и Святому духу, когда дошла очередь до канона Иисусу, Андрей отложил молитвослов в сторону и ему подумалось вдруг, что смерть любую фотографию превращает в икону.

Интересно, а жизнь может превратить икону в фотографию? – подумал Андрей и решил, что коньяк всё ж таки дошёл до клеток мозга и запутал их в мельтешении синапсов.

Зазвонил городской телефон. Андрей снял трубку.

– Это Ким Борисович Коорд... – сказал в трубке грубоватый голос. – Мне дала этот телефон ваша матушка. Она отчего-то злится на меня и не хочет говорить.

– Что вам угодно? – спросил Андрей, вспоминая слова старика Никитича: ...здесь был здоровый лысый человек.

– Ох, как вы это сказали, Андрей Иванович! Что угодно? Соболезнования выразить и спросить, когда прощание с телом, когда похороны. Что ж ещё?

– Но... – Андрей облизнул губы. Его взгляд заметался с семейной фотографии на иконы и обратно. – Но вы же...

– Что? – спросил Ким. – А вы о моих методах? По – моему мы с вами всё решили тогда. Даже стали сообщниками, Андрей Иванович.

– Никакими, – Андрей прокашлялся. – Никакими сообщниками мы с вами не становились. И это некорректно по отношению к памяти Аркадия...

– К памяти Аркадия? – голос Кима взвился на октаву выше. Теперь в нём звучала обида и даже ярость. Наигранная обида и ярость. Ким переспросил, – К памяти Аркадия? Это вы мне говорите? Да, если хотите знать, Аркаша незадолго до смерти приходил ко мне...

Снова в воображении Андрея появился старик Никитич: «где этот лысый человек?..»

– И что же? – холодно поинтересовался Андрей.

– Что же? – передразнил его Ким.

Андрей немедленно отреагировал, опустив иконку Спасителя изображением вниз, и сказав грубо

– Я не позволю вам говорить с собой в таком тоне...

– Ну и хорошо. Я же понял, что вы крепкий орешек, Андрей Иванович. Надавали младшему брату пощёчин... Даже я бы до такого не дошёл... Действенный метод, Андрей Иванович. Судя по результату...

– Как вы смеете... – Андрей сжал руки. Ладони похолодели, мизинцы подрагивали. – Что вы себе позволяете...

– Ладно вам, Андрей Иванович. Я ж говорю – мы с вами, как сообщники. Аркаша не выдержал нашего воспитания...

– Нашего воспитания? – изумился Андрей.

А как ты хотел? – спросил он себя. – Думал, что это тайна для всех? А если это тайна, значит, скрыть что-то хочешь? Совесть то ведь свою не обманешь, Андрюшенька. Правильно этот лысый жлоб тебе говорит – вы с ним сообщники. Один начал человека до самоубийства доводить, а другой закончил. Сам же помнишь, как брат говорил, что ты и Ким одно и то же...

– Когда будут похороны и где? – спросил Ким.

Андрей прошёлся по кабинету. Голос в трубке молчал. Похоже было, что Ким умеет ждать. Андрей бы на его месте непременно положил трубку, а этот ждал...

– Завтра в двенадцать дня, – сказал Андрей хрипло. – При морге городской больницы состоится прощание. Потом похороны на Новом кладбище. Будет автобус.

– Ничего, я на машине, – сказал Ким. – Большое спасибо, Андрей Иванович.

– Пожалуйста, – прошептал Андрей и понял, что сказал слова в пустоту. В трубке уже звучали короткие гудки.

Андрей посмотрел на лежащие вниз ликами иконки, взял фужер и залпом выпил коньяк, похожий на мёртвую кровь.

Глава 17

Андрей ехал в похоронном «Пазике» с надписью по борту «Упокоение». В салоне автобуса дышалось тяжело – тяготило обилие бордового и чёрного цветов. Люди сидели со скорбно склонёнными головами, иногда посматривая на закрытый гроб, а потом переводя взгляд в пол. Выглядело это так, будто они задают вопрос покойному, слушают ответ, а потом думают, какой бы вопрос ещё задать. Пока не поздно, пока его ещё не закопали тело.

На кладбище было сыро и промозгло. Тонкий слой снежка крепко замесился с кладбищенской грязью. Идти было очень тяжело. Андрей даже несколько раз смотрел себе под ноги, ожидая увидеть там мерзкую тягучую жижу. Подмёрзшая грязь и ничего больше. Доходил второй час дня, а солнца толком не было видно. Иногда появлялось на небе что-то слепящее, заслонённое от взоров небесной хмарью.

Ребёнок, которого у кого-то из родственников хватило ума взять с собой на кладбище, залился жалостливым плачем. Мать увела малыша в автобус и осталась там вместе с ним.

Люди шли вслед за могильщиками. Могильщики нёсли на плечах гроб. В ушах людей стоял детский плач. Все шёпотом обсуждали, нужно или нет брать на кладбище детей? Мнения разделились.

Спор затих сам собой.

Люди выглядели уставшими, будто они выкопали на этом кладбище за ночь по две могилы каждый. Они зевали и спотыкались. Старушки оккупировали скамейку возле могилы известного в прошлом медика – кардиолога, который смотрел с надгробного камня весело и оптимистично, как бы говоря, что сердце – это двигатель жизни... Старушки держались за свои моторы и часто, как загнанные лошади, дышали.

– Господи, да что же это? – покачала головой одна из старушек, беря Анастасию за руку. – Вы не знаете, милочка, может быть, сегодня магнитная буря?

Анастасия пожала плечами и осторожно высвободила руку, чтобы обнять Катю.

Андрей смотрел на жену и дочку, одетых во всё чёрное и думал, что сегодня к его пониманию Насти и Кати добавилось ещё что-то, когда он увидел их в трауре возле гроба Аркаши. Что-то неуловимое, важное. Никогда ещё он не видел жену и дочку в трауре. Сумасшедшая мысль посетила Андрея, что вот так же Настя с Катей будут стоять и на его похоронах тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.